

АССОЦИАЦИЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «БУКОВКИ»

06/2024

СВЕРЧОК ПОДРОСТОК

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
«СВЕРЧОК»

REVUE LITTÉRAIRE EN RUSSE
POUR LES ENFANTS ET LES PARENTS
« SVERTCHOK » / « LE CRIQUET »

06/2024

Ответственная за номер /
Responsable de publication:

Юлия Уточкина-Амамджан/
Ioulia Outotchkina-Hamamdjian

Редколлегия / Comité de rédaction:

Елена Сергеева/ Elena Sergueeva
Валентина Чепига/ Valentina Cheriga
Ольга Андриянова/ Olga Andriyanova
Александра Рубинштейн/ Alexandra Rubinstein

ПОДПИСКА/ ABONNEMENT

Ассоциация любителей русскоязычной детской литературы «Буковки» и альманах «Сверчок» не получают никаких государственных субсидий. Сделайте пожертвование, чтобы поддержать альманах:

<https://www.helloasso.com/associations/association-des-amateurs-de-la-litterature-russophone-pour-les-enfants-et-la-jeunesse-boukovki/formulaires/1>

L'association des amateurs de la littérature russophone pour enfants «Boukovki» et sa revue «Svertchok» ne perçoivent aucune subvention publique. Faites votre don pour nous soutenir :

<https://www.helloasso.com/associations/association-des-amateurs-de-la-litterature-russophone-pour-les-enfants-et-la-jeunesse-boukovki/formulaires/1>

Этот номер альманаха подготовлен и издан благодаря волонтерству всех членов редколлегии.

Ce numéro a été préparé et publié grâce à l'action bénévole de tous les membres du comité de rédaction.

Editeur :

Association des amateurs
de la littérature russophone
pour enfants BOUKOVKI
RNA : W751230833

Siège social :

121 boulevard de Grenelle
75015 Paris
France

E-mail : boukovki@hotmail.com

Site : <http://boukovki.org>

ISSN : 2650-0663

- © Auteurs pour les œuvres
  - © Editeurs pour les œuvres cédées par contrat
  - © Association «Boukovki» pour la présentation et la mise en page
  - © Illustrateurs et éditeurs indiqués pour les illustrations
  - © Image de couverture : Association « Boukovki » et Maria Chipochina
- Nous avons utilisé les illustrations libres de droits des plateformes Canva et Pixabay

НОВЫЙ ДВУАЗЫЧНЫЙ СБОРНИК ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР, РОБЕР ДЕСНОС,
МАКС ЖАКОБ и ПОЛЬ ЭЛЮАР
в переводе на русский

СЕРГЕЙ МАХОТИН, ТИМ СОБАКИН,
ВИКТОРИЯ ТОПОНОГОВА, ИГОРЬ ШЕВЧУК
и САША ЧЁРНЫЙ
на французском

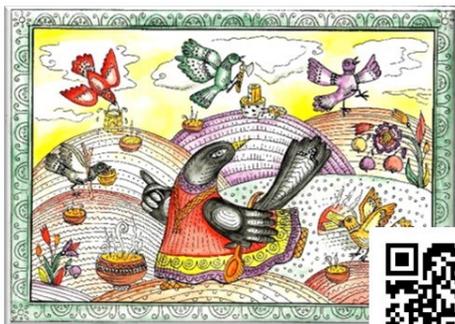
В ИЮЛЕ 2024

ИЛЛЮСТРАЦИИ
АЛЕКСАНДРЫ РУБИНШТЕЙН

ИЗДАНИЕ АССОЦИАЦИИ ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОАЗЫЧНОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
«БУКОВКИ»

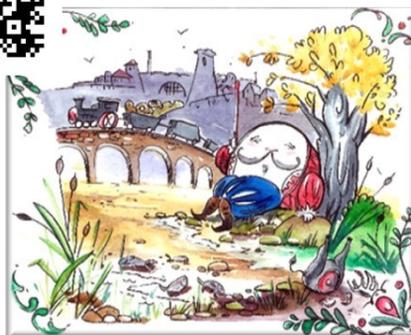
ИЗДАНО «БУКОВКАМИ»

ДВУЯЗЫЧНЫЙ
СБОРНИК ПЕРЕВОДОВ
РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ
НАРОДНОЙ ДЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

ТВЁРДАЯ ОБЛОЖКА,
АВТОРСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ,
44 СТРАНИЦЫ
15 ЕВРО

ФОРМАТ: 21 x 21
МАГКАЯ ОБЛОЖКА
40 СТРАНИЦ
ЦВЕТНЫЕ АВТОРСКИЕ
ИЛЛЮСТРАЦИИ

ПОСИДЕЛКИ У СВЕРЧКА

МАРИНА ТАРАНЕНКО,
ЮЛИЯ ТИМУР,
КСЕНИЯ ВАЛАХАНОВИЧ,
ЕКАТЕРИНА КАГРАМАНОВА,
СВЕТЛАНА СОН,
ВИКТОРИЯ ПРОХОРЕНКО: ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛЬМАНАХА "СВЕРЧОК"

СОДЕРЖАНИЕ

Друзья!	11
НОВЫЕ ТЕКСТЫ	13
Екатерина Бордон. Жесть и чебуреки	14
Юлия Иванова. Ромашковая сфера	24
Светлана Сорока. Почему она?!	30
Екатерина Каграманова. Ничего страшного	36
Виктория Царинная. Вещий сон	40
Екатерина Каграманова	
Комар	44
Стрекоза	45
ИГРОВАЯ	46
Радость и грусть в твоей жизни. Тест	47
ТО ДАР	49
Надежда Шемякина. Сегодня ты так печальна	50
Светлана Макарьина. Кто как грустит	52

Елена Липатова. Стихи-подростки	53
Дождь своими словами	53
Один сплошной дождь	53
После уроков	54
Мои желания	55
Звонок	56
Шестнадцать	57
О времени	58
Система времён	59
ИГРОВАЯ	60
Вспомни фразы	61
Найди название геометрической фигуры	62
С ПОЖЕЛТЕВШИХ СТРАНИЦ	63
Александр Куприн. Столетник	64
CARTE BLANCHE издательству «АБРИКОБУКС»	73
Юлия Иванова. Сказки Чароводья	74

Сказка Зелёного Ордена. Сад Птицеведы	75
Елена Мусатова. Золотое сердце	80
КОНКУРС «ФАБРИКА СЛОВ»	95
Мадина Раззонова. О чём мечтает старая Ива	96
Ульяна Дементьева. Осень	99
Виктория Гуртан. Сплелись корнями	102
ПАПАМ И МАМАМ	106
Ирина Мотобрывцева. Заветная бабочка	107
БЕСЕДЫ «СВЕРЧКА»	114
Беседа с писательницей Марией Ботевой	115
Беседа с писательницей Майей Бессоновой	124
ОБ АВТОРАХ И ИЛЛЮСТРАТОРАХ	129

Друзья!

Оказывается, человеческий мозг устроен вот как: за грусть отвечают сразу много-много центров, а за радость – всего один! То есть, получается, человеку свойственно скорее грустить, чем радоваться, представляете? Интересно, почему? Может быть, чтобы человек сам, по своей доброй воле, создавал и проживал радостные моменты? А может быть, чтобы он создавал их столько, чтобы можно было делиться с теми, кто грустит?

В этом номере «Сверчка» есть тексты и грустные, и радостные. Но... парадокс! Текстов про радость оказалось больше! Иногда за грустью скрывается радость. Так внутренняя сила героини рассказа Екатерины Бордон «Жесть и чебуреки» позволяет девочке сохранить способность радоваться самым простым вещам и не унывать, а скрытая радость ромашковых сфер передаётся скептическому преподавателю ментального творчества в «Ромашковой сфере» Юлии Ивановой (эти два рассказа завоевали второе и третье места на фестивале Короткого рассказа – КОРА 2024). А в рассказе Светланы Сороки «Почему она?!» кажущееся совершенство другого заставляет героиню грустить, но недолго, ведь важно не внешнее совершенство, а внутреннее... И именно оно важнее всего. Екатерина Каграманова в рассказе «Ничего страшного» повествует о мальчишке, который грустил, потому что был еще... маленьким. Но когда вырос, то понял, что маленьким быть здорово, иногда даже намного интереснее, чем быть взрослым. В «Вещем сне» Виктория Царинная рассказывает о переживаниях Мурзика и о его новой подруге (интересно, будет ли он с ней веселиться или делиться грустяшками?)

В поэтическом разделе мы познакомимся с чудесными стихотворениями, светлыми и радостными, Екатерины Каграмановой, Надежды Шемякиной, Бориса Вайнера (Кстати, как вы думаете, как

грустит бегемот? Он грустит по-бегемотьи! А, например, какаду? А?) и Елены Липатовой, о времени, о счастье и желаниях...

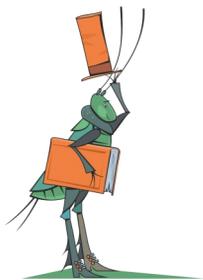
Великолепные «Пожелтевшие страницы»: Александр Иванович Куприн... Все-таки мы недостаточно ценим этого писателя, а между тем он создавал великолепные миниатюры.

Совершенно замечательные тексты издательства «Абрикобукс», в том числе и отрывок из готовящейся к изданию новой книги Юлии Ивановой из серии «Чароводье», заставят вас порадоваться и погрустить.

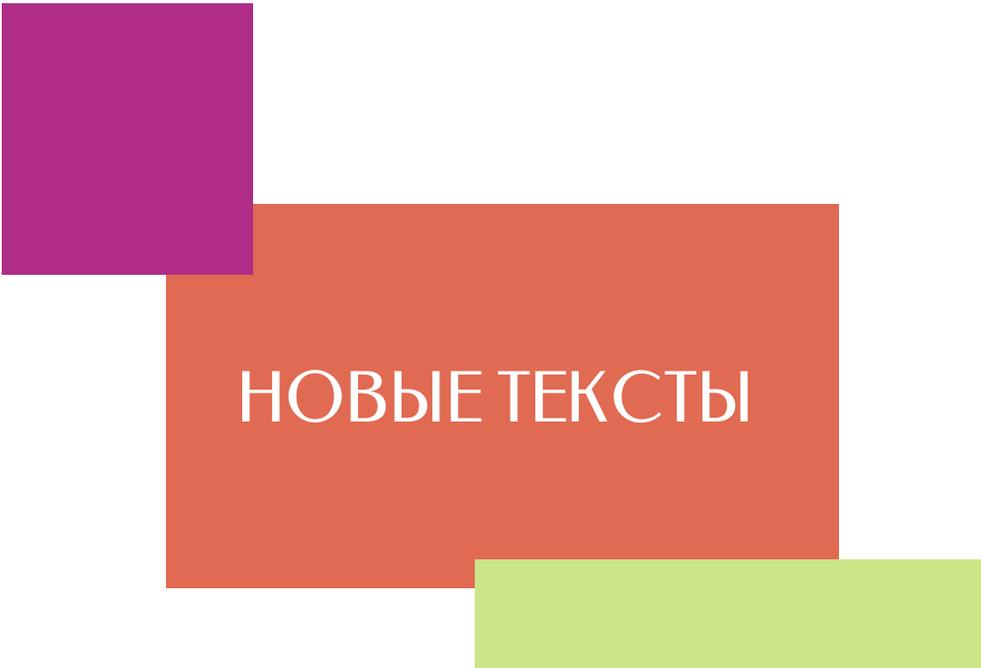
Папы и мамы, знакомьтесь с текстом Ирины Мотобрывцевой. «Заветная бабочка», наверное, есть у каждого из нас. Что она олицетворяет? Узнаете совсем скоро.

Страницы номера украсили иллюстрации замечательных художниц Марии Шипошиной, Наталии Дубовик и Александры Рубинштейн.

Дорогие друзья, в добрый путь! Все, как и в жизни: к радости примешивается толика грусти и наоборот. Главное, чтобы мы помнили: радости надо побольше! Потому что грусти нам и так хватает с головой.

Ваш «Сверчок»

A decorative graphic consisting of three overlapping rectangles: a purple one on the top left, a larger orange one in the center, and a light green one on the bottom right.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Екатерина Бордон

Иллюстрации Веры Нечаевой

Жесть и чебуреки

2 МЕСТО
КОРА 2024

У Тётятани печенье – просто жесть. Я об него реально зуб сломала! Не передний, а рядом который, как уж его там. Короче, чувствую, скрипит во рту. Сплюнула в руку, а там зуба кусок. Маленький, но прям очевидно, что зуб.

Тётятаня спрашивает:

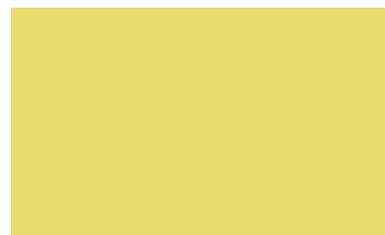
– Вкусно, детонька?

Я киваю и даже два пальца вверх показываю. Типа вообще зашибись как вкусно. Но на всякий случай не улыбаюсь. Я ж тогда ещё не знала, какой зуб сломала. Вдруг передний? Тётятаня бы расстроилась, а у неё нервы.

А у Тётвики – голова.

Я как к ним ни приду, у них всегда так. Тётятаня разволнуется, что, ну война там где-нибудь или мамка моя опять в запой ушла, и сразу ставит свою пластинку с кудрявым мужиком. Прямо руки трясутся, пока песня не начнёт играть. А Тётвика, как услышит, сразу орёт из своей комнаты:

– Танечка, выключи, у меня голова!

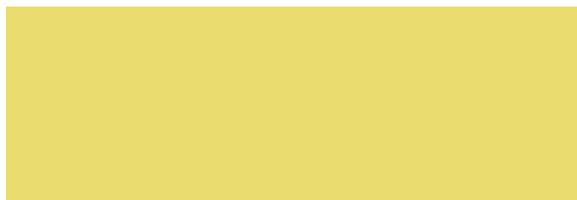

Я всегда отвечаю, сто пятьсот раз про непенициллина в СССР. Тётя начальником... Тётя что, может, он и не продавцом.

Губы у Тётятани трясутся,
стаёт из-за пазухи мятый
руки. Я его молча, прямо при

И у меня урчит. Желудок как будто бы к рёбрам прилип. Или сам себя переваривать начал уже с голодухи. Я пожимаю плечами.

– Не, я не голодная тоже.

Надо попробовать в этот раз спрятать под плинтусом. Мамка туда не нагнётся с её-то спиной. Витя вздыхает:

– Чо тогда встала? Пошли!

Я киваю, пошли.

Ну, мы и уходим.

Юлия Иванова

Иллюстрация Наталии Дубовик

Ромашковая сфера

3 МЕСТО
КОРА 2024

На уроке ментального творчества мы снова выращивали миры. Это довольно просто: берёшь учебную сферу, активируешь, настраиваешь на волну своего сознания и вперед. Ты словно бог из учебников по мифологии – можешь всё. Но для нас это только упражнение для визуализации фантазий. Поставит учитель оценку и обнуляет сферу.

– Сегодня ваше задание – создать мир с высоким уровнем угрозы, – сказал учитель. – Мы уже проходили благоденствие, изобилие, прогрессию, цикличность и выживание, а сегодня – создайте внутри своей сферы опасность.

целый город. Конечно,
я, но если использовать
есть всё в подробностях.

разрешалось – слишком дорогостоящее оборудование. Поэтому я мог лишь бросить на ромашки прощальный взгляд.

Я был так погружен в свои мысли, что только на выходе из школы понял, что оставил в классе рюкзак.

Пришлось вернуться. Опустевшие коридоры скрывали какую-то тихую тайну, которую я старался не потревожить. Шёл не спеша, боясь нарушить безмолвие, царившее вокруг. И в кабинет заглянул неслышно, дверь оказалась не заперта. Там сидел учитель, спиной ко мне.

Странно, что он ещё не ушёл. И немного неловко. Войти или не стоит?

Учитель держал в руках последнюю из ученических сфер. Она слегка светилась. Остальные стояли на полках пустые и безликие – они уже прошли обнуление. Осталась только одна.

– Не представляет интереса для науки, – пробормотал учитель, но по-прежнему пристально вглядывался внутрь сферы. Как будто искал ответ на некую загадку. Мне было видно от двери, как покачиваются ромашки на длинных тонких стебельках.

Учитель продолжал сидеть, мой мир не чувствовал угрозы, а я тихо ушёл, так и не забрав забытый рюкзак.

Светлана Сорока

Иллюстрации Александры Рубинштейн

Почему она?!

Как и в любом другом, в Анином классе были отличники и двоечники, хулиганы и тихони, серые мышки и настоящая красавица.

Герка Отрепьев, словно оправдывая свою фамилию, всегда ходил взъерошенным и неопрятным. Он плохо учился, вечно забывал ручки и тетради, сторонился одноклассников. У ребят он тоже не пользовался популярностью.

Другое дело – Елисей. Он напоминал Ане благородного рыцаря из сказки. Высокий, светловолосый, улыбчивый. Как-то раз она пришла на обед в столовую. Взяла суп, второе, компот и собралась расплачиваться. Но не нашла кошелька. Небольшой, тёмно-синий, он, наверное, оказался слишком маленьким для

такого большого рюкзака, «утонул» в нём, как в бездонном море. А может, Аня просто оставила его дома. Видя нахмуренную бровь поварихи тёти Оли и огромную очередь за собой, она уже начала было паниковать, но оказавшийся рядом Елисей протянул ей

Герка Марину Евгеньевну побаивался. Особенно в такие ответственные моменты старался её не сердить. И в день диктанта всё принёс с собой. Аня специально посмотрела.

Учительница начала неспешно диктовать, а ребята записывать.

– Наташа, Наташа, дай ручку, пожалуйста! – вдруг услышала Аня Геркин взволнованный шёпот. – Моя не пишет.

Наташа посмотрела на него сверху вниз, скривилась и бросила холодно:

– У меня нет.

Услышав шум, Марина Евгеньевна подняла глаза.

– Что случилось?!

– Меня Отрепьев отвлекает, – пожаловалась Наташа.

– В чём дело? Опять что-нибудь забыл? – Учительница смотрела на Герку выжидающе и сердито. В этот момент он напомнил Ане маленького загнанного зверька.

– У Геры ручка не пишет, Марина Евгеньевна, – вступилась за одноклассника Тоня. – На, возьми, – и она протянула ему запасную.

Аня посмотрела в её открытое улыбчивое лицо и, кажется, начала догадываться, почему она...

Екатерина Каграманова

Иллюстрации Марии Шипошиной

Ничего страшного

Мама с папой очень любят вспоминать одну историю. Это случилось очень давно, я тогда был ещё в младшей группе. Уже можно было бы и забыть, а они всё вспоминают. Однажды я даже слышал, как мама рассказывала эту

историю своей подруге по телефону. Она говорила, и они обе смеялись, а я вспоминал разное. Мама ведь знает не всё.

Это был холодный, мокрый день, и мне очень не хотелось оставаться в саду. В группе у нас горел свет, а за окном всё было серым – от этого было грустно. Не так, когда хочется плакать, а просто грустно. И на прогулку пришлось собираться очень долго – пока мы надели куртки, пока натянули сапоги, пока застегнули капюшоны... Очень длинный был день, и наконец за мной пришла мама.

спрос

я

КИТА.

К СОДЕРЖАНИЮ

на целый лист. Скучно было делать его одного цвета, поэтому я раскрасил его немного красным, немного синим. И нарисовал большие глаза и рот. И лапы тоже нарисовал, потому что он же должен как-то ходить. И ещё длинный тонкий хвост — для красоты.

– Так, – сказал папа, – значит, это ядовитый кит...

– Да, – сказал я.

Мама с папой очень удивились и начали задавать разные вопросы, но больше я ничего не мог рассказать. И вот прошло много времени, уже наступила зима, и бабушка подарила мне на Новый год большую книгу про разных животных. Я стал её смотреть и вдруг увидел ядовитого кита.

– Мама, вот, смотри, это ядовитый кит! – закричал я.

Мама посмотрела сначала на кита, потом на меня и сказала:

– Что? Вот это? Это же слизень! Ты же говорил, что он размером с кошку! Ой, не могу!

Мама стала смеяться и взялась сразу звонить папе и бабушке. Они все по очереди меня расспрашивали, как так вышло, что я всё выдумал. А я не знал, что говорить, и хотел, чтобы это поскорее закончилось.

С тех пор мама с папой никак это не забудут. Когда они снова и снова начинают говорить о ядовитом ките, мне хочется сказать: «Ну хватит, сколько можно!». Но им так нравится эта история, что я всякий раз думаю: «Ладно. Я же тогда был совсем маленький. Пусть смеются, ничего страшного».

Виктория Царинная

Иллюстрации Марии Шипошиной

Вещий сон

Целый час Мурзик не отходил от окна.

За окном шёл дождь: он тихонько шелестел по крыше, стекал затейливыми струйками по стеклу, а после, превратившись в ручейки, убегал по асфальту вниз по улице. Куда именно, Мурзик не знал.

Кот с детства не любил сырую погоду. Малышом он обитал на остановке в коробке из-под обуви. Провожал взглядом пузатые автобусы, в ливень напоминающие морские корабли, наблюдал за неуклюжими прохожими, перепрыгивающими через лужи, и рассматривал разноцветные шляпки зонтов. Котёнок дрожал. Болели уши, мёрзли лапки. Намокшая коробка каждый раз грозилась развалиться на части.

Но сегодня Мурзик дождём любовался. Сегодня всё выглядело иначе, даже противные дождевые капли не навевали привычную тоску.

угадать: котлета,

— Мурзилка, а пойдём в догонялки сыграем? — проурчал Фима.

— Ну её, эту твою единственную, несуществующую, — подключился Вольт. — Давай лучше шнурок тягать.

Договорить друзьям не дали — дверь в комнату вдруг отворилась. Мурзик сразу узнал посетительницу.

Он уже видел это лицо. Совсем недавно, пару часов назад.

Медленно оглядев помещение, гостя остановила взгляд на Мурзике. Некоторое время она стояла в нерешительности, затем подошла к коту и осторожно его погладила.

От неожиданности Мурзик вздрогнул. Громко замурчав, он всем телом потянулся навстречу ласковой руке. Крошечное сердечко бешено колотилось. Гостя взяла Мурзика на руки и уткнулась носом в пушистую шерсть.

— Обалдеть... Ты видишь то же, что и я? — вытаращил глаза Фима, толкнув приятеля в бок.

— Бабка, а ты ведь обманщица, — только и смог выдать ошеломлённый Вольт. — Сны на понедельник, оказывается, вещи!

Екатерина Каграманова

Комар

Птички радостно поют,
Бабочки летают,
Жарко светится июль.
А комар страдает.

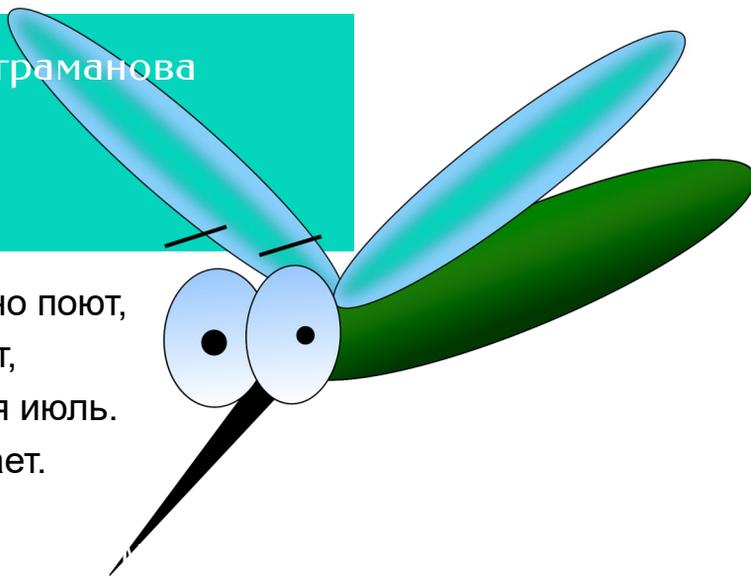

Иллюстрация PixEasy Pixabay

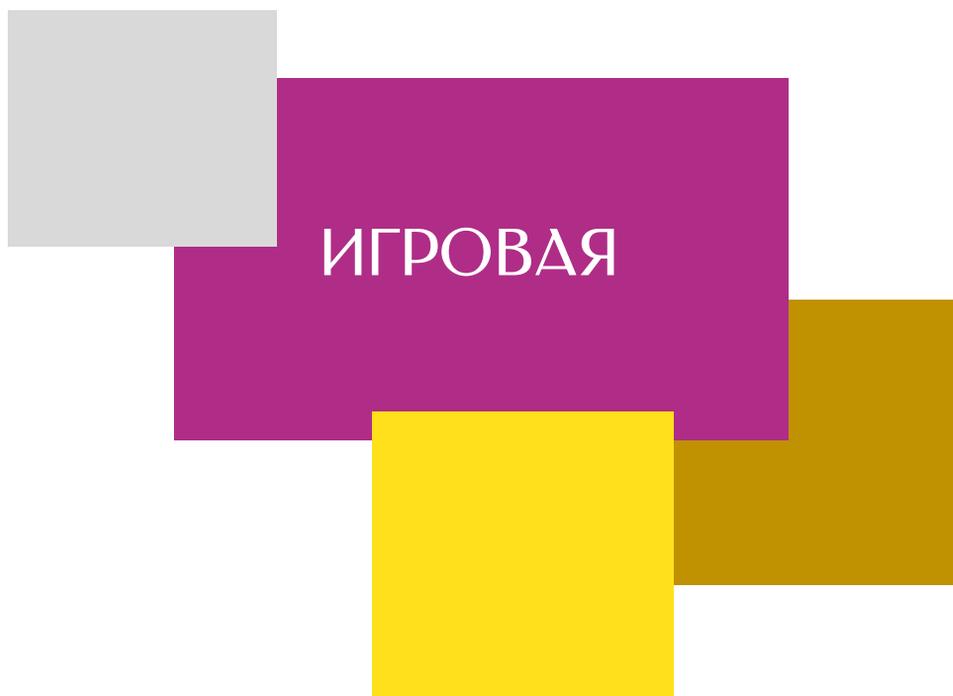

Стрекоза

Как же мошки надоели,
Надоели стрекозе!
– Что вам нужно, в самом деле?
Я работаю, как все!

РАДОСТЬ И ГРУСТЬ В ТВОЕЙ ЖИЗНИ

1. Как ты любишь проводить выходные?

- А. В веселой компании
- Б. Дома в одиночестве

2. Какую книгу ты выберешь?

- А. Приключения Петрова и Васечкина
- Б. Муму

3. Какая погода тебе больше нравится?

- А. Солнечная
- Б. Дождливая

4. С каким чувством ты просыпаешься по утрам?

- А. С радостью
- Б. С грустью

5. Какую музыку ты предпочитаешь?

- А. Веселую
- Б. Грустную

Авторы теста —
твои сверстницы
из России
Софья и Полина

6. У тебя запланировано путешествие на самолёте. Твои мысли по этому поводу?

- А. Ура, наконец-то отпуск!
- Б. Перелет – это так утомительно!!!

7. Какой жанр кино ты выберешь?

- А. Комедия
- Б. Драма

8. Кто ты из мультфильма «Головоломка» (Vice-versa)?

- А. Радость
- Б. Печаль

9. Какой у тебя тип личности?

- А. Экстраверт
- Б. Интроверт

10. Какой стиль музыки тебе нравится?

- А. Поп
- Б. Рок

А – 5

Б – 3

Надежда Шемякина

Сегодня ты так печальна

Иллюстрация Наталли Дубовик

Сегодня ты так печальна.

Сегодня ты вся в слезах.

Ты думаешь, это слёзы?
От них на глазах пелена?
А это бежит на утёсы,
Искрясь, рассыпаясь, волна.
Смотри, это три осьминога
Связались морским узлом,
Позвали кита на подмогу,
Потом развязались с трудом.
Смотри, ты почти смеёшься
И даже не плачешь уже.

А это всего лишь солнце
Рассыпалось на вираже.
Оно сияет так близко,
Как будто бы нет границ,
Что долетают искры
До влажных твоих ресниц.

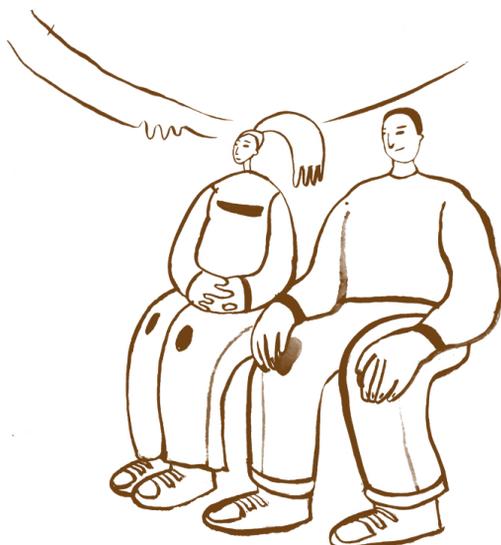
Светлана Макарына Кто как грустит

Крокодил грустит по-крокодилы.

Бегемот грустит по-бегемоты.

Птичья грусть у птичьей эскадрильи.

Человечья – у печальной тёти.

Елена Липатова

Стихи-подростки

Стихи из одноименной книги

Дождь своими словами

Нужно было пересказать рассказ

"своими словами".

А в рассказе было

много дождя —

Один сплошной дождь

Дождь никак не пересказывался

моими словами.

Он просто

лил...

лил...

лил...

лил...

////

///

///

//

После уроков

Какое счастье —
быть счастливой!
Бродить без дела под дождём!

Иллюстрация Александры Рубинштейн

Мои желания

"Официальные" (для учителей,
родственников, одноклассников):

Иллюстрация Александры Рубинштейн

Звонок

А телефон всё молчит.
Он замолчал навсегда.

Иллюстрация Марии Шипошиной

Шестнадцать

Иллюстрация Messim Pixabay

*Мне шестнадцать.
Я понимаю,
Что такое раз в жизни бывает!..
Что когда-нибудь,*

О времени

Я думаю о времени. Оно меня пугает, потому что проходит.

Иллюстрация Geralt PixaBay

Система времён

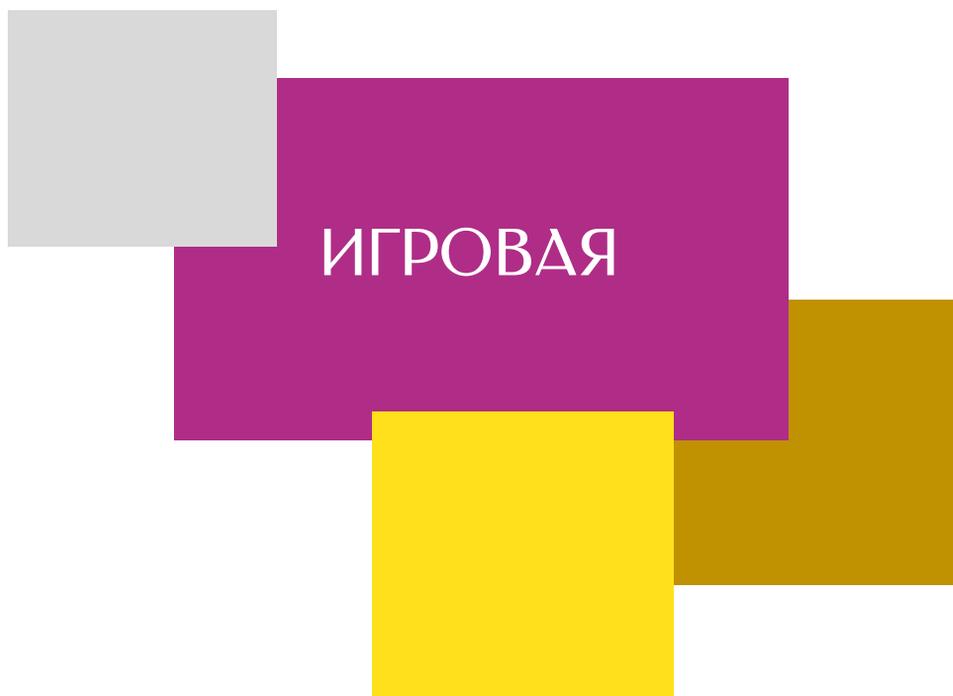
Проходит дождь.

Проходит боль.

Проходят люди под дождём.

Иллюстрация Ріхабай

В ЭТОМ НОМЕРЕ МНОГО
ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ФИГУР

ВСПОМНИ ФРАЗЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА,
УПОМИНАЮЩИЕ СЛЕДУЮЩИЕ
ИЗ НИХ

1

2

3

4

5

НАЙДИ НАЗВАНИЕ
ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ
ФИГУРЫ

A decorative graphic consisting of three overlapping rectangles: a light green one on the left, a mustard yellow one in the middle, and a brown one on the right. The text is centered on the yellow rectangle.

С
ПОЖЕЛТЕВШИХ
СТРАНИЦ

Александр Куприн

Иллюстрации Наталии Дубовик

Столетник

Это происходило в большой оранжерее, принадлежавшей очень странному человеку — миллионеру и нелюдиму, тратившему все свои несметные доходы на редкие и красивые цветы. Оранжерея эта по своему устройству, по величине помещений и по богатству собранных в ней растений

превосходила знаменитейшие оранжереи в мире. Самые разнообразные, самые капризные растения, начиная от тропических пальм и кончая бледными полярными мхами, росли в ней так же свободно, как и у себя на родине. Тут были: гигантские латании и фениксы с их широкими зонтичными листьями; фиговые и банановые, саговые и кокосовые пальмы возвышали к стеклянному потолку длинные голые стволы, увенчанные пышными пучками раскидистых листьев. Здесь же росли многие диковинные экземпляры, вроде эбенового дерева с черным стволом, крепким, как железо, кусты хищной мимозы, у которой листья и цветы при одном прикосновении к ним мелкого насекомого быстро сжимаются и высасывают из него соки; драцены, из стеблей которых вытекает густой, красный, как кровь, ядовитый сок. В круглом, необычайно большом бассейне плавала царственная Виктория, каждый лист которой может удержать на себе ребенка, и здесь же выглядывали белые венчики индийского лотоса, распускающего только ночью свои нежные цветы. Сплошными стенами стояли темные, пахучие кипарисы, олеандры с бледно-розовыми цветами, мирты, апельсиновые и миндальные деревья, благоухающие китайские померанцы, твердолистые фикусы, кусты южной акации и лавровые

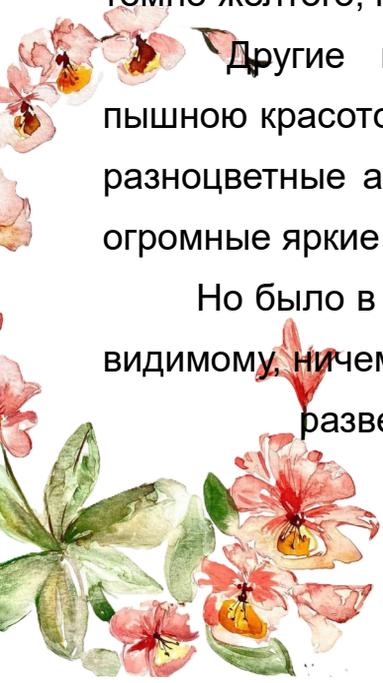
деревья.

Тысячи различных цветов наполняли воздух оранжереи своими ароматами: пестрые с терпким запахом гвоздики; яркие японские хризантемы; задумчивые нарциссы, опускающие перед ночью вниз свои тонкие белые лепестки; гиацинты и левкои — украшающие гробницы; серебристые колокольчики девственных ландышей; белые с одуряющим запахом панкрации; лиловые и красные шапки гортензий; скромные ароматные фиалки; восковые, нестерпимо благоуханные туберозы, ведущие свой род с острова Явы; душистый горошек; пеонии, напоминающие запахом розу; вервена, цветам которой римские красавицы приписывали свойство придавать коже особенную свежесть и нежность и потому клали их в свои ванны, и наконец, великолепные сорта роз всевозможных оттенков: пурпурного, ярко-красного, пунцового, коричневого, розового, темно-желтого, нежно-желтого, палевого и ослепительно-белого.

Другие цветы, лишенные аромата, отличались зато пышною красотой, как, например, холодные красавицы камелии, разноцветные азалии, китайские лилии, голландские тюльпаны, огромные яркие георгины и тяжелые астры.

Но было в оранжерее одно странное растение, которое, по-видимому, ничем не могло бы обратить на себя внимание, кроме разве своей уродливости. Прямо из корня выходили у

него длинные, аршина в два, листья, узкие, мясистые и покрытые острыми колючками. Листья эти, числом около десяти, не поднимались кверху, а стлались по земле. Днем они были холодны, а ночью становились теплыми. Цветы никогда не показывались между ними, но зато торчал вверх длинный, прямой зеленый стержень. Это растение называлось Столетником.

Цветы в оранжерее жили своей особенной, для людей непонятной жизнью. Конечно, у них не было языка для того, чтобы разговаривать, но все-таки они друг друга понимали. Может быть, им для этого служил их аромат, ветер, который переносил цветочную пыль из одной чашечки в другую, или теплые солнечные лучи, заливавшие всю оранжерею сквозь ее стеклянные стены и стеклянный потолок. Если так изумительно понимают друг друга пчелы и муравьи, почему не предположить, что, хоть в малой степени, это возможно и для цветов?

Между некоторыми цветами была вражда, между другими — нежная любовь и дружба. Многие соперничали между собою в красоте, аромате и высоте роста. Иные гордились древностью рода. Случалось иногда, что в яркое весеннее утро, когда вся оранжерея казалась наполненной золотой пылью и в распутившихся

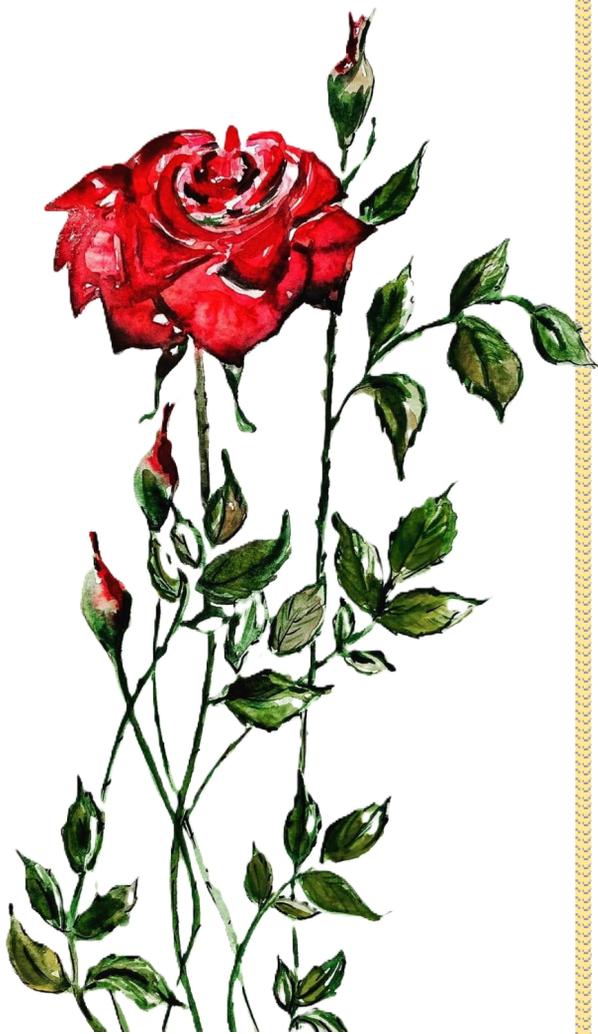

чашечках дрожали алмазы росы, между цветами начинался общий несмолкаемый разговор. Рассказывались чудные благоухающие истории о далеких жарких пустынях, о тенистых и сырых лесных уголках, о диковинных пестрых насекомых, светящихся ночью, о вольном, голубом небе родины и о свободном воздухе далеких полей и лесов.

Один только урод Столетник был изгнанником в этой семье. Он не знал никогда ни дружбы, ни участия, ни сострадания, ни разу в продолжение многих длинных лет ничья любовь не согрела его своим теплом. И он так привык к общему презрению, что давно уже переносил его молча,

затаив в глубине души острое страдание. Так же привык он быть и постоянным предметом общих насмешек. Цветы никогда не прощают своим собратьям уродливости.

Однажды июльским утром в теплице распустился цветок редкой кашемирской розы, темно-карминного цвета, с черным бархатным отливом на сгибах, удивительной красоты и чудного запаха. Когда первые лучи солнца заглянули сквозь стекла и цветы, проснувшись один за

другим от легкой ночной дремоты, увидели распутившуюся розу, то со всех сторон слышались шумные возгласы восхищения:

— Как хороша эта молодая Роза! Как она свежа и ароматна! Она будет лучшим украшением нашего общества! Это наша царица.

И она слушала эти похвалы, стыдливая, вся рдеющая, вся облитая золотом солнца, точно настоящая царица. И все цветы в виде привета наклоняли перед ней свои волшебные венчики.

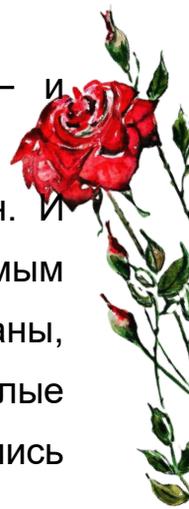
Проснулся и несчастный Столетник, взглянул — и затрепетал от восторга.

— О, как ты прекрасна, Царица! — прошептал он. И когда он это сказал, вся оранжерея наполнилась неудержимым смехом. Закачались от хохота надутые чванные тюльпаны, вздрогнули листья стройных пальм, зазвенели белые колокольчики ландышей, даже скромные фиалки улыбнулись сострадательно из своих темных кругленьких листьев.

— Чудовище! — закричал, задыхаясь от смеха, толстый Пион, привязанный к палке.— Как у тебя достало дерзости говорить комплименты? Неужели ты не понимаешь, что даже твой восторг отвратителен?

— Кто это? — спросила, улыбаясь, молодая Царица.

— Этот урод? — воскликнул Пион. — Никто из нас не знает, кто он и откуда. Он носит очень глупое имя — Столетника.

— Меня сюда привезли совсем маленьким деревцем, но он и тогда был так же велик и так же гадок,— сказала высокая старая Пальма.

— Он никогда не цветет,— сказал Олеандр.

— Но зато весь покрыт колючками,— добавил Мирт.— Мы только удивляемся тем людям, которые к нам приставлены. Они ухаживают за ним гораздо больше, чем за нами. Точно это какое-нибудь сокровище!

— Я вполне понимаю, отчего за ним так ухаживают,— сказал Пион.— Подобные чудовища так редки, что их можно отыскать только раз в сто лет. Вероятно, он за это и называется Столетником.

Так до самого полудня насмехались цветы над бедным Столетником, а он молчал, прижав к земле холодные листья.

После полудня стало нестерпимо душно. В воздухе чувялось приближение грозы. Тучи, плывшие по небу, делались все темнее и темнее. Становилось трудно дышать. Цветы в истоме поникли нежными головками и затихли в неподвижном ожидании дождя.

Наконец вдали, точно рычание приближающегося зверя, послышался первый глухой раскат грома. Наступило мгновение томительного затишья, и в доски, которыми садовники быстро прикрывали стекла оранжереи, глухо забарабанил дождь. В оранжерее стало темно, как ночью. И вдруг Роза услышала около себя слабый шепот:

— Выслушай меня, Царица. Это я, несчастный Столетник, восторг которого перед твоей красотой вызвал у тебя утром улыбку. Ночная темнота и гроза делают меня смелее. Я полюбил тебя, красавица. Не отвергай меня!

Но Роза молчала, томясь от духоты и ужаса перед грозой.

— Послушай, красавица, я уродлив, листья мои колючи и некрасивы, но я открою тебе мою тайну. В девственных лесах Америки, там, где непроницаемые сети лиан обвивают стволы тысячелетних баобабов, куда не ступала до сих пор человеческая нога,— там моя родина. Раз в сто лет я расцветаю только на три часа и тотчас же погибаю. От моих корней вырастают новые побеги, для того чтобы опять погибнуть через сто лет. И вот я чувствую, что через несколько минут я должен расцвести. Не отвергай меня, красавица! Для тебя, для тебя одной я буду цвести и для тебя умру!

Но Роза, поникнув головкой, не отвечала ни слова.

— Роза! За один только миг счастья я отдам тебе целую жизнь. Неужели этого мало твоей царственной гордости? Утром, когда взойдут первые лучи солнца...

Но в это мгновение гроза разразилась с такой страшной силой, что Столетник должен был замолчать. Когда же перед утром кончилась гроза, то в оранжерее раздался громкий треск, точно от нескольких ружейных выстрелов.

— Это расцвел Столетник,— сказал главный садовник и побежал будить владельца оранжереи, который уже две недели дожидался с нетерпением этого события.

Доски со стеклянных стен были сняты. Вокруг Столетника молча стояли люди, и все цветы с испугом и восхищением обернули к нему свои головы.

На высоком зеленом стержне Столетника расцвели пышные гроздья белоснежных цветов невиданной красоты, которые издавали чудный, неопиcуемый аромат, сразу наполнивший всю оранжерею. Но не прошло и получаса, как цветы начали незаметно розоветь, потом они покраснели, сделались пурпурными и, наконец, почти черными.

Когда же взошло солнце, цветы Столетника один за другим завяли. Вслед за ними завяли и свернулись уродливые листья, и редкое растение погибло, чтобы опять возродиться через сто лет.

И Царица поникла своей благоухающей головой.

CARTE BLANCHE
ИЗДАТЕЛЬСТВУ

 абрикобукс

Юлия
Иванова

Рисунки
Татьяны
Петровска

Сказки Царьвоодья

СКАЗКА ЗЕЛЁНОГО ОРДЕНА

САД ПТИЦЕВЕДЫ

(отрывок)

— Я бы хотела сделать вам подарок. Вы можете выбрать одну из моих самых драгоценных птиц, — сказала Птицееда.

Она сложила губы трубочкой и засвистела. На зов слетелись невиданные птицы и расселись на ветвях деревьев вокруг женщины, то преданно пытались заглянуть ей в глаза, то искоса поглядывая на растерянного Теона.

С любовью в голосе чара стала рассказывать художнику о каждой из птиц, что собрались вокруг них.

— Вот птица Правды, она совсем ручная. Задав ей любой вопрос, получишь правдивый ответ, даже если спрашивать будешь о будущем. Эта птица как дивная книга чароведы, только живая и звонкая. Но учти, что услышанный ответ ты уже никогда не забудешь и изменить ничего не сможешь.

Вот птица Удачи. её лёгкое пёрышко принесёт тебе успех во всех делах. Твои картины будут узнавать с первого взгляда, тебя будут почитать, как гения, и имя твоё сохранится в истории Чароводья. Но чем придётся заплатить за всё это, ты не узнаешь, пока не примешь дар, поэтому будь осторожен.

А вот моя милая подружка — Золотая курочка. Смотри, какая она милая. Каждое утро она несёт драгоценное яичко,

внутри которого диковинный камушек. Такие дорого ценятся в Лигардии, да и у нас, в Чароводье, они хорошо известны, хоть и не сравнятся с чаронитами. Эта курочка навсегда избавит тебя от необходимости думать о деньгах. Иногда я радуюсь тому, что никто не знает о том, что она существует.

Потом Птицеведа повернулась к тёмной птичке с ясными голубыми глазами и погладила её по блестящим пёрышкам.

— Вот птица Прогонипечаль — она споёт тебе свою единственную песню, и ты забудешь о том, как бывает жесток этот мир. Всё будет казаться тебе радостным и светлым, и разум твой никогда не омрачится мыслями о несправедливости, лжи и превратностях судьбы. А вот...

Птицеведа вытянула руку, и на неё порхнула белая птица с красным пятном на груди. Теон её сразу узнал.

— Вот птица Любви — её судьба печальна до слёз, и я не знаю, кто наградил эту малышку столь роковым даром. Если лишит её жизни, она превратится в прах, а из праха проклюнется росток. И распустится на том побеге цветок, а потом вызреет ягода. И та, кому ты подаришь этот плод, вкусив его, полюбит тебя навсегда. Искренне, глубоко и бесповоротно.

Белая птица подставила шейку, и женщина легонько почесала её.

— А вот птица Неволя, судьба которой ещё более печальна... — Птицеведа раздвинула спускающиеся сверху густые лианы и вынула из зелёной ниши клетку. —

Она — вечная пленница.
Обречена желать
свободы и никогда не
получить её. Ведь тот, кто
выпустит Неволю из
клетки, примет на себя
древнее проклятье и сам
навсегда лишится
свободы. У меня сердце
сжимается от тоски, когда
я думаю о столь
печальной участи. —
Женщина вздрогнула,
будто очнулась и
посмотрела на Теона
глазами, полными
тревоги. — Итак, ты...
можешь выбрать любую
из моих птиц.

Птицеведа замолчала, Зарина затаила дыхание, испуганно переводя взгляд с Теона на мать и обратно. Птицы тихонько посвистывали, будто слегка посмеивались над молодым человеком, которому предстояло сделать нелёгкий выбор.

Художник долго молчал, опустив глаза, но потом покачал головой:

— Мне не нужна птица Удачи, ведь всё лучшее уже случилось со мной, когда я нашёл этот прекрасный сад. У меня нет вопросов к птице Правды, потому что я не хочу знать, что ждёт меня впереди. Жизнь даст ответы на все вопросы, и незачем её торопить. Драгоценная курочка мне тоже не нужна, деньги не принесут счастья. И песня Прогонипечали ни к чему. Если я забуду о тёмной стороне жизни, то как смогу радоваться светлой? Птица Любви могла бы мне помочь, ведь я хотел бы, чтобы меня полюбила прекрасная девушка, ваша дочь. — Тут он посмотрел на Зарину, и она снова вспыхнула румянцем. — Но слишком высока цена любви, если ради неё нужно убить столь прекрасное создание. И раз уж мне предоставлен выбор, то я открою эту клетку.

Теон шагнул вперёд, отодвинул задвижку и открыл дверцу для птицы Неволи. Та не шелохнулась, лишь глядела на спасителя золотистыми глазками. Он аккуратно достал её из клетки и поднял повыше.

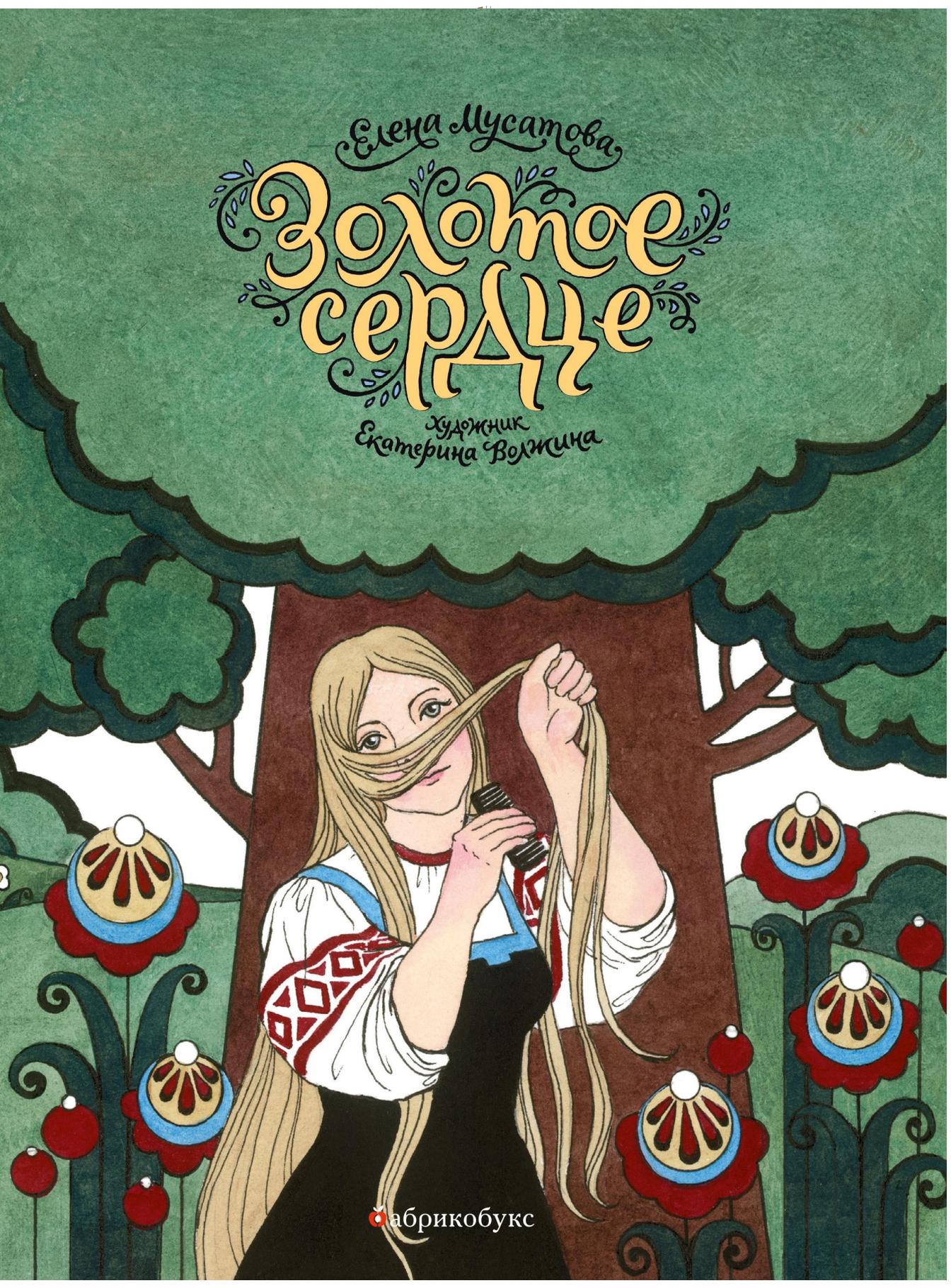
— Неволя — больше не твоё имя. Лети, куда пожелаешь!
— И подбросил в воздух.

Птица взмахнула крыльями и сорвалась в небо.

Елена Мусатова

Золотое сердце

художник
Екатерина Волжина

Близилося Рождество. Ночами яркие звезды, как свечи, горели в небе. На пригорке стояла деревушка — соломенные крыши изб казались заснеженными стогами. Дом Мартына Гавриловича видно было издалека, он возвышался над снежными заносами и гордо посматривал на соседей, словно не считая их за ровню. Тесовую крышу венчал петушок, окошки в кружевных наличниках сверкали стеклами, крыльцо с высокой лестницей украшали витые столбики-колонки.

Задняя дверь отворилась, и во двор вышел хозяин — Мартын Гаврилович. Перед праздником он всегда собственноручно колот свинью, а в помощники приглашал дальнего родственника. И в этот раз Мартын Гаврилович ловко управился со своим делом, проследил, чтобы помощник собрал кровь в чашку, и похлопал свинью по жирному боку.

— Пудов десять будет.

Жена Мартына, кутаясь в шаль из козьего пуха, тоже вышла во двор. С первого взгляда было заметно, что Прасковья на сносях. У Мартына с Прасковьей подрастало пятеро детей, и все девочки, что несказанно огорчало отца, мечтавшего о сыне. Мартын очень любил своих дочек, но они улетят из родительского гнезда, будут хозяйничать в чужих избах, а на родном корню должен остаться наследник. Мартын даже расщедрился в церкви на самую толстую свечку и сделал подарок батюшке: принес ему старого петуха.

— Мартынушко, ты Степановну позови, — сказала Прасковья, — мне одной не управиться. Она бы и колбасы

начинила. Помнится, Степановна лучшей мастерицей в деревне была. Небось не позабыла еще, как делается.

Степановной звали старушку, жившую на краю деревни в такой низкой избушке, что окошки едва не касались земли. Кормить Степановну было некому, и она нанималась к соседям на поденную работу, какая была ей по силам. Но основной доход ей приносила колода засаленных карт. Их Степановна раскидывала перед любопытными девками и вдовами, а еще разгадывала сны и, щуря подслеповатые глаза, смотрела на воду, пытаясь увидеть образы и знаки.

— Степановна, давно ли стала ворожить? —
посмеивались над ней соседки.

— Будешь ворожить, коли нечего в рот положить, —
беззлобно ворчала старушка.

Жила она раньше с дочерью, внуком и его женой. Но дочь и внук с невесткой в одночасье умерли, заболев неизвестной болезнью. Старуха отвезла на погост три неструганых гроба, пришла в опустевшую избу и заплакала. Думала, что и ей осталось недолго мучиться на этом свете, но тут из люльки, подвешенной к потолку, донеслось попискивание. Внуков сынок Николаша давал знать, что он-то жив и хочет есть.

Принялась Степановна выхаживать младенца. Ребенок был слабым и худым, все кунежился (1). Несколько раз он всерьез собирался отправиться вслед за родителями, тогда Степановна шла в церковь, ставила свечку Николаю

Угоднику — правнукову небесному покровителю — и горячо молилась. Мальчик выздоравливал. Николаша был отрадой для старой бабки — синеглазый, светловолосый, с ямочками на щеках, появлявшимися от приветливой улыбки.

— Как солнышко он для меня, — говорила Степановна, — хмурый день с ним веселее кажется.

В деревне видели, как старуха выбивается из сил, пытаюсь прокормить себя и ребенка. Весной, как только появлялась молодая зелень, Степановна брала мешок и шла на луг, под завязку набивала мешок крапивой, снытью, щавелем, а дома варила из этого похлебку. Мартын не раз хотел ей помочь: то кусок сала отрежет, то отложит ковригу хлеба, не с лебедой, как приладилась печь старуха из-за нехватки муки, а белого, пшеничного. Однажды, расщедрившись, налил в кувшинчик меду. Но всякий раз нападала на Мартына вражья сила и мешала отдать гостинцы: кусок сала вырастал в его глазах до невероятных размеров, и казалось Мартыну, что у самого ничего не останется, если он это отдаст. Коврига была слишком сладка для голодранцев, вдруг у них с непривычки к белому хлебу разболятся животы. Ну а мед — на что он им? Чай не пьют, сырую воду хлебают.

А Степановна спокойно жила, ни у кого ничего не просила и ничего не ждала. Мало того, Прасковья иной раз завидовала старухе: надо же, бабка как ни пойдет в лес, корзину белых грибов тащит, а она с дочками третьего дня едва с десяток набрала.

— Соседка-то наша — колдунья, — втолковывала Прасковья мужу. — У нее две курицы — и каждый день несутся, а у нас стадо — и яичницы пожарить не из чего.

Конечно, Прасковья преувеличивала. У них с мужем хозяйство было полная чаша. Не только по праздникам стояла на столе жирная куриная лапша. А с ярмарки привозил Мартын любимым дочкам наряды и сладости, каких в деревне не видывали.

<...>

На следующий день, в сочельник, в доме Мартына колбаса шкварчала на сковородке. В сенях в большой чашке стыл холодец, в дубовом бочонке под гнетом лежало сало, разделанные куски мяса были прикрыты чистой рогожкой. В углу валялось свиное рыло, им Прасковья брезговала и всегда отдавала собакам.

— Ой, ой, какие запахи, — ныли дочери, вернувшиеся от тетки. — А мы должны зерна есть, да и то после звезды.

— Ах вы мои ненаглядные! — проговорила Прасковья. — Проголодались? Подождите маленько, скоро разговеемся. Попостимся хорошенько, и Господь к нам за это милостив будет.

Наконец в небе появилась первая звездочка. Вся семья села за стол для вкушения сочива. Прасковья поставила перед домочадцами чугунок с вареными пшеничными зернами, куда она добавила сушеные яблоки, орехи и мед.

— Вкуснота, сладкота, — приговаривали дочери, отправляя сочиво в рот.

— Ты калитку хорошо запер? — спросила у мужа Прасковья. — А то сейчас колядовщики саранчой налетят. Уж такие настырные! Хотя у меня две лепешки медовые подгорели, можно отдать. Иль Степановне завтра отнести, пускай Николашка полакомится.

— Да запер, не беспокойся, — отмахнулся Мартын. — А все ж Степановну мы обидели.

— Поменьше о пустяках думай, — ответила жена, — их двое всего, наварят каши с салом, куда как наедятся. На месяц хватит!

— Да уж, на месяц, ты б еще «на год» сказала. Прасковья собралась было заговорить о бережливости, чтоб и дочки послушали материнские наставления, но тут дверь распахнулась, и в избу ввалилась женщина. Клубы пара тотчас окутали ее, и супруги поначалу не могли понять, кто из деревенских решил их навестить.

Ходили к Мартыну с Прасковьей неохотно, только по большой надобности. Острые на язык бабы говаривали: «Ох и проголодалась я, будто у Парашки на беседе побывала».

Домочадцы во все глаза смотрели на гостью. Но это была не деревенская кумушка, а самая грязная и оборванная нищенка, которую только можно было себе представить. Одежда лохмотьями, глаза, обведенные черными кругами, лихорадочно блестят. Женщина была простоволоса, обеими руками она прижимала к груди небольшой сверток, замотанный в платок. Нищенка едва шевелила замерзшими губами.

— А ты говоришь, запер, — с досадой сказала Прасковья мужу.

— Подайте Христа ради, — взмолилась женщина и, переложив сверток в правую руку, левую протянула вперед.

Прасковья, опасаясь дурного глаза, особенно теперь, когда была на сносях, велела мужу гнать несчастную прочь.

— Это прямо дух нечистый, — прошептала она на ухо Мартыну, — собаки голоса не подали, шагов на крылечке не было слышно, дверь не скрипнула.

Мартын нехотя встал из-за стола. Женщина, поняв по его мрачному лицу, что ей ничего не дадут, рухнула на колени:

— Не гоните, миленькие. Дайте хоть переночевать у порога. Соломки пук бросьте, мне хватит. Страшно на улицу выходить, метель поднялась такая, что в двух шагах ничего не видно. Кабы до смерти меня не закружила.

Но Мартын уже ухватил нищенку за худое плечо.

— Хорошо, хорошо, уйду сейчас, — продолжала она. — Но вы хоть поесть мне дайте. Когда в желудке пусто, ноги идти не хотят, подгибаются, а перед глазами туман стоит. Пока до вас добрела, ветер со мной играл: то в один сугроб закинет, то в другой. Еле выкарабкалась. Да и боюсь, руки от голода совсем ослабнут, и я ношу свою драгоценную потеряю.

Женщина схватила руку Мартына, прижала к потрескавшимся губам:

— Не губи невинную душу.

Видя нерешительность мужа, который медлил вытолкать нищенку, Прасковья велела:

— Что смотришь? Вон ее! Носит их на нашу голову. Нищая! Мы каждый кусок хлеба потом зарабатываем, а она пришла на готовенькое. Накорми ее, напои, спать уложи. Завтра она шубу мою новую попросит, так что — выложить? Пусть в батрачки нанимается, а то на дармовщину желающих много.

Нищенка тяжело дышала.

— Да в церковь же вы ходите! Меня не жалеете, дитя пожалейте! Как мне с ним возвращаться на ветер, в непроглядную тьму?

Словно в подтверждение ее слов, из свертка, который она прижимала к груди, слышался слабый плач.

— Вас как зайцев в лесу, один умрет — десять народятся. — Прасковья решительно поднялась.

— Хозяйка, у тебя ж самой дите будет, — заплакала нищенка, — дай хоть яичек, молочка налей, кашки в ладонь

положи.

— А ну пошла вон.

— Да у тебя в сених много чего сложено. Я без спросу не взяла. И сало там, и холодец.

— Ишь ты, честная какая, не взяла. И как рассмотреть впотьмах все успела. — Прасковья, выпятив живот, медленно наступала на женщину. — Что стоишь как колода? — прикрикнула она на мужа. — Пусть возвращается откуда пришла!

В четыре руки они вытолкали нищенку из избы, согнали с крылечка и выбросили за калитку.

— Хоть рыло свиное отдайте, я его погрызу! — крикнула та, оказавшись на улице и оборачиваясь к дому.

Метель взлохматила ее волосы, потянула за подол ветхого платица. Ветер подхватил снег, развернул его непроглядной пеленой, укутал женщину, скрыл от глаз.

— Вот еще, — отозвалась Прасковья, собственноручно задвигая засов на калитке, — рыло ей понадобилось, самим пригодится.

— Пригодится, — донесся до нее звенящий голос. — Не пожалей потом!

— Негодная, еще угрожать мне будешь! — разозлилась Прасковья.

Нищенка не отвечала, слышался только вой метели. Во дворе, словно опомнившись, залаяли собаки.

Мартын и Прасковья вернулись в избу. Было тепло, но Прасковья озябла и накинула на плечи шаль.

— Принесла ее нелегкая, — ворчала она. — Водой святой умыться бы надо, уж больно глаза черны у этой гольтепы (2).

Она взяла бутыль, стоявшую у коника (3), плеснула воды на ладонь, обтерла лицо и помочила глаза.

— А ты стал как пень, — повернулась она к мужу, — руки, что ль, у тебя отсохли? Надо было сразу ее вытолкать. А то развели разговоры.

Мартын молчал. Он сидел у стола, подперев голову рукой.

— Иль мы не русские, — наконец произнес он. — Наступает великий праздник, Рождество. Его добром встречать надо, а мы куска пожалели. Сначала Степановну обидели, теперь человека с дитем в метель выгнали. Куда она пойдет? Дорогу замело, ветер с ног сбивает. На нашей совести грех будет, Прасковья, если с ней что случится.

— Ну давай, догоняй. Отдай ей все. И холодца в карман навали, и колбас на руку навесь. Пусть наедается. А мы с голоду помирать будем.

Но Мартын, не слушая жену, качал головой и повторял:

— Не по-людски это. И колядовать к нам не ходят. Вроде не самые бедные, а соседи сроду на огонек не заглянут.

Прасковья подошла к мужу, обняла:

— Добрый ты у меня, Мартынушко, всяк тебя облапошить старается. Ну кому ты поверил? Думаешь, и вправду баба эта голодная? Да у нее полный мешок сухарей спрятан. Она нарочно глаза углем намазала и тряпье надела. И разве можно в такую пропасть с младенчиком выходить? Взяла у кого-

нибудь, чтоб людей разжалобить, чтоб ей куски послаще подавали. У нее дом краше нашего, сундуки, набитые добром, в ряд стоят.

— Может, ты и права, — ответил Мартын, — а все ж не полюдски.

— Ох, спать пора, заговорились мы что-то, — спохватилась Прасковья, — дочки вон уже храпака дают. Пойдем и мы, любезный, на перинку.

Утром метель улеглась. Снег сверкал и искрился. В синем небе застыло холодное солнце. Далеко был слышен в морозном воздухе звон церковных колоколов. Мартын с семейством отправился в церковь в соседнее село. Тропинки замело, все то и дело проваливались по колена. Только Прасковья, по причине своего положения, кряхтела и жаловалась, а дочки, нарядные, краснощекие, в шалях с кистями, в белых новых валенках, с радостным визгом падали в пушистый снег, отряхивались и снова падали.

На обратном пути, уже подходя к дому, Мартын увидел мужиков, стоявших у его тесовых ворот. Те, заметив хозяев, молча расступились. Вчерашняя метель намела высокие сугробы, и из одного торчала худая нога в чуне (4).

— Никак кто помер? — испугался Мартын, стаскивая с головы шапку.

— Нищая вечером по деревне ходила, да недалеко от вашего дома ушла, — ответил один из мужиков.

— У нас она не была, — сказала Прасковья.

— А люди видели, что была.

— Это кто такой востроглазый?

— Степановна, соседка твоя.

— Врет старая! Вот как мне за доброту отплатила!

— От Степановны никто лишнего слова не слышал, зазря она ни разу на человека не сказала. Мы, Мартын, могилку выкопаем, человек все же. Останется на улице — собаки порвут. Ты хоть на водку дай.

— Как же, как же, на водку и по рублю на брата, — зачастил Мартын. — И закуски наберу.

Будто озноб пробрал его до кости, залез за барашковый воротник, и ледяные руки сжали сердце — не вздохнуть. Мартын вошел в избу, утирая шапкой лицо.

— Что ты? — удивилась Прасковья. — Переполошился, как малое дитя.

— Мы в смерти повинны, — покачал головой муж. — Грех-то какой. Невинную душу загубили. Чем мы лучше разбойников?

— Эх, еловая твоя голова, — разозлилась Прасковья. — Дочерей по миру пустить — вот грех. Ты же добренький — готов все сундуки вытряхнуть, нищим раздать. Ну, хватай, бери. Чей сундук тебе открыть? Дунькин? На! — Прасковья откинула кованую крышку и принялась выкидывать из сундука шали, куски полотна, бусы, праздничные атласные кофты, шерстяные юбки. — Нищих-то много. Это дочерей пять, а побирушек не пересчитаешь. Обуй, одень эту голытьбу, они же потом

первые над тобой посмеются. И не забудь: у нас еще золотые монеты припрятаны. Куска лишнего недоедали — накопили. Ты их тоже отдай, душа добрая. Может, в раю для тебя местечко приготовят.

— Эх, — взревел Мартын, — не была бы ты на сносях, сейчас бы взял плеть да отхлестал по спине. Нет в тебе жалости!

— Зато в тебе с избытком, так через край и плещется. Ни о ком у тебя заботы нет — ни о жене, ни о дочках. — Прасковья все больше распалаясь. Щеки ее покраснелись, волосы растрепались, и Мартын уже не рад был, что затеял этот разговор, как вдруг Прасковья охнула, схватилась за живот и поплелась к кровати. — Прихватило что-то, неужто началось? Да рановато вроде. Это ты меня, Мартын, своим упрямством довел. Ох, тяжелехонько. Ой-ой! — завопила вдруг Прасковья во все горло. — Моченьки нету терпеть. Посылай, Мартын, за повитухой.

Повитуха пришла скоро. С собой привела внучку и тут же, выторговав у Мартына кусок сала с прослойкой, завернула его в тряпицу и отослала девчушку домой.

— Я помираю, чуть со светом белым не расстанусь, а она о чем думает, — попеняла старухе Прасковья. — Неужто я бы тебя обманула?

— И-и, милая, — улыбнулась повитуха, разматывая шаль и снимая одежду, — ты баба на обещанья щедрая, хоть лопатой гребь, а как отдавать — и с наперстком не приходи. Я у тебя ума

набралась, как-никак, пятерых приняла.

Повитуха подошла к роженице.

— Не волнуйся, сердечная, — ласково сказала она, — чай не первого ждешь, давай я тебе живот разомну, вот так, ляг поудобней.

К утру следующего дня на свет появился ребеночек.

— Вот и хорошо, вот и ладненько, — приговаривала старушка, принимая на руки младенца и заворачивая в кусок полотна.

— Парень? — спросил Мартын. Предвкушая радостную весть, он заглянул за ситцевую занавеску.

— Вот я тебе! — замахнулась на него полотенцем повитуха. — Девка.

— Врешь! Сын у меня!

— Говорю, девка! На! — Старуха сунула ему в лицо красного вопящего младенца.

— Ты, видать, смеяться надо мной вздумала, — рассердился Мартын, — поросенка вместо дитя подаешь.

Повитуха ткнула свой острый нос в сверток и только теперь рассмотрела маленький свиной пяточок.

— А-а-а-а, люди добрые! — завопила повитуха, роняя ребенка на лежанку. — Сколько родов приняла, а век не видала, чтобы баба поросю рожала.

Повитуха схватила в охапку свою одежду и бросилась к двери.

— Стой, — Мартын еле успел ухватить ее за руку, — мяса

отрежу, полсвиньи отдам, только не рассказывай никому. Мало тебе? — в отчаянии крикнул он. — Денег дам, рубль хочешь? Ну, тогда десять, четвертной не пожалею.

— Что с тобой, милый, — вроде как с сожалением проговорила старушка, — да во всем мире столько денег не наберется, чтобы я молчала.

1. *Кунежиться* — капризничать по нездоровью (*диал.*).
2. *Гольтепа* — голытьба, беднота (*прост.*).
3. *Коник* — лавка, скамья в крестьянской избе возле двери или печи в виде длинного ящика с крышкой.
4. *Чуни* — лапти из пеньковой веревки (*нар.-разг.*).

К О Н К У Р С
Ф А Б Р И К А С Л О В

Мадина Раззокова

16 лет,

Школа №98

п. Кадан, Самаркандская обл., Узбекистан

1 МЕСТО

Номинация «Лучшая сказка»

О чём мечтает старая Ива

Иллюстрация Pixabay

Я никогда не видела ивы, но моя учительница рассказала мне об этом дереве, и мы нашли его фото в интернете. Я представила, как это дерево одиноко и печально стоит на берегу и плачет, плачет... И вот что я придумала.

Где-то далеко в холодной стране, где редко бывает тепло и солнечно, на берегу быстрой холодной реки у самого обрыва росла красавица Ива. Ветви её, белые, гибкие, сочные, клонились прямо к воде. Ветер качал их в разные стороны, и разлетались её слёзы – горько-солёные капли печали. Ей было

безумно одиноко, иногда приходили к обрыву люди, вечерами влюблённые пары смотрели на воду. Кто-то плакал, а кто-то пел. Тогда Ива радовалась, что не одна.

Особенно она любила лето. В это время птицы суетились в её ветвях, вили гнёзда, высиживали птенцов и рассказывали о том, что видели в дальних странах. Соки в кроне бурлили сильнее, корни готовы были оторваться, оттолкнуться и полететь в неведомые края, где нет тоскливых дождливых дней, когда хочется плакать и плакать...

Одна перелётная птичка Маша рассказала Иве про Чинару, в кроне которой она вила своё гнездо в дальней стране. Это было огромное дерево с толстым и мощным стволом. Чинаре было шестьсот лет, поэтому она была настолько мудрой, что животные и птицы спрашивали у неё совета. Росла она в красивой тёплой стране, где всегда светло и солнечно. Под тенью Чинары отдыхали путники, они вслушивались в шелест её листьев, пытались понять будущее. Само дерево даже кору свою сбрасывало – так бывало жарко в его стране.

Ива подумала, что было бы здорово иметь такую славную и мудрую подругу. Были бы они рядом, играли бы листьями друг друга, шептались бы, перешёптывались... И Ива заплакала. Такая она была плаксивая... Добрые птички стали успокаивать Иву и пообещали рассказать Чинаре о ней. Всю зиму ждала красавица Ива возвращения из тёплых стран

пернатых путешественников. Когда они вернулись, то в их клювиках были подарки от мудрой Чинары: красивые широкие, похожие на ладони листья, цветы граната и дыни, веточка хурмы.

Как обрадовалась подаркам Ива! Она зашелестела своими веточками и стала плавно ими двигать в такт неизвестной песне, которую уже пели прилетевшие птички. Эта песня тоже была подарком от Чинары. Пернатые друзья вплели цветы и листья в косы Ивы. И каждый день одна из птичек рассказывала нашей зелёной красавице новую историю в той далёкой стране, о том, что знала только Чинара, что она повидала за свои шестьсот лет и поведала пернатым путешественникам.

С тех пор Ива больше не плакала, разве что совсем редко и то больше, чтобы угодить Дождю. Ива знала, что где-то далеко у неё есть подруга, которая думает о ней. Она знала, что не одна на белом свете. А когда было совсем тоскливо, Ива доставала цветок граната и напевала ту песню, что принесли ей птицы. Ветер подпевал ей как мог, и на душе становилось тепло и радостно.

Ульяна Дементьева

16 лет

Школа «Теремок», Марсель, Франция

1 МЕСТО

Номинация «Лучший рассказ»

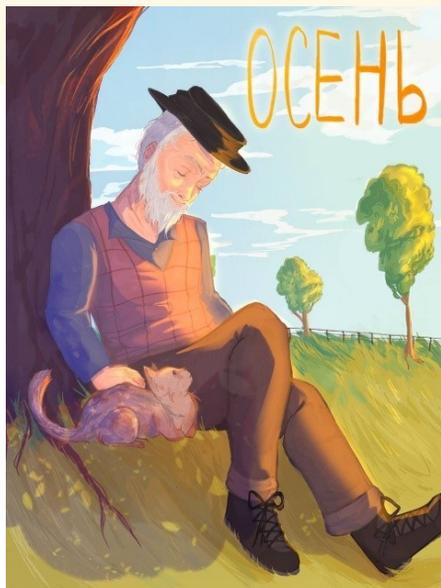

Иллюстрация Марианны Иконниковой

В одной заброшенной деревне, затерянной где-то в степи, жил дедушка по имени Тихон, он был одиноким человеком: дети уехали в город, жены уже как 15 лет не стало, да и соседей почти не осталось. Но была в жизни у Тихона одна радость — его всем сердцем любимая кошка Машенька. Её веселое выражение пушистой мордочки всегда вызывало у дедушки улыбку, и он подолгу не мог насмотреться на свою любимицу. Хоть ей и шёл уже четырнадцатый год, Маша оставалась всё такой же игривой и ласковой кошечкой.

С возрастом её шерсть потускнела, но на спинке всё ещё сохранялся ярко-рыжий оттенок.

У Маши в саду росло любимое дерево — старая мощная ольха с пышной всегда зелёной листвой. Тихон сам удивлялся, что это дерево не меняло свой цвет даже поздней осенью, но зато Машу на нём было очень хорошо заметно. Почти всё время, что Тихон работал в огороде, Маша проводила под этой ольхой. Уставая в процессе тяжкой работы, Тихон оборачивался на дерево и с доброй улыбкой смотрел на Машу. Один вид его родной мурлыки, лениво лежавшей на травке, придавал ему сил и утешения. В перерывах он подходил к дереву, нежно гладил кошечку и говорил с ней; эта маленькая ласка была для старика достаточным лекарством от всех бед.

И вот, поздним летом, когда с каждым днём становится всё жарче и жарче, случилось несчастье. Дедушка стал замечать, что Маша стала худеть и совсем перестала выходить из дома, даже под ольхой он видел её всё реже и реже. Понял Тихон, что умирает его любимая девочка.

В один из вечеров Маша вяло подошла к сидящему в кресле Тихону и потянулась к нему своей пушистенькой лапкой. Он ласково потрепал её за ухом и, понимая, что она сама уже не в состоянии, поднял её на свои колени. Изнурённый вид тяжело дышащей любимицы угнетал старика, но он понимал, что он — единственный, кто сможет быть с ней в этот пугающий для неё момент. Сохраняя мужество, мужчина молча сидел и смотрел, как кошка последний раз засыпает на его коленях. Утром с

тяжёлым сердцем Тихон вышел во двор и похоронил Машеньку под её любимым деревом. Без Маши он не находил себе места, кошка была для него всем. Работа в саду стала совсем тяжкой, по привычке Тихон всё ещё поглядывал на ольху, будто в надежде снова увидеть свой оранжевый комочек радости, но, конечно же, никого там не было. С началом осени Тихон совсем поник, потерял надежду и смирился со своей одинокой судьбой.

Однажды снова оглянувшись через плечо, он будто заметил что-то оранжевое на ольхе, зрение уже часто подводило старика, но тут он всё же был уверен и, чтобы убедиться, что ему это не кажется, решил подойти поближе. Быстрыми, насколько позволял возраст, шагами он пересёк грядки и подошёл к дереву. И вправду, на дереве виднелась пара красно-жёлтых листьев... Щемящее чувство в груди вдруг сменилось спокойной радостью, плавно растекавшейся по телу. На губах старика впервые за последний месяц появилась всё та же кроткая, но тёплая и искренняя улыбка, он медленно набрал воздух в грудь и, поглаживая листья своей натруженной ладонью, еле произнёс: "Машенька, любимая, я ещё мальчишкой верил, что у вас, мурлык, девять жизней..."

Виктория Гуртан

16 лет,

Кишинёв, Молдова

1 МЕСТО

Номинация «Лучший рассказ»

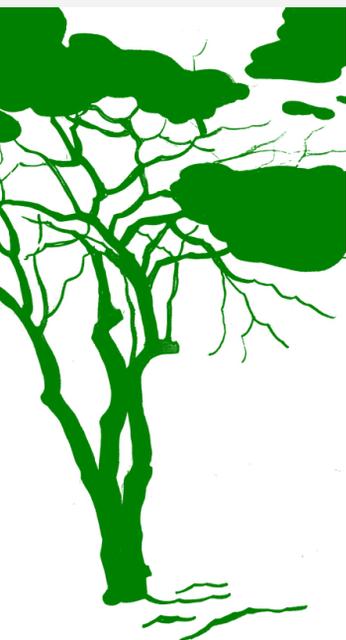
Сплелись корнями

У нас в селе, как это обычно бывает, больше стариков, чем молодёжи. Молодёжь предпочитает селу город: и работу найти проще, да и жизнь повеселее будет. Но история эта не про них будет, да и не про село. Она про соседку нашу – Марию Ивановну, которую звали по-простому баба Маша.

Всю свою жизнь она была одинока: муж умер, единственного ребёнка давно схоронила и осталась одна на белом свете. Такого человека, признаться, редко встретишь:

всем всегда помогала чем могла, не ругалась никогда, не ворчала, как обычно про стариков говорят. Мало того, она никогда не унывала, улыбка не сходила с её лица, хозяйство было всегда в порядке и сад благоухал, занятий полно было и помощники из соседней, если что, находились.

Помимо сада, росло у неё во дворе дерево. Обычное такое, ничем не примечательное, не цвело никогда, плодов не давало, больно хлюпенькое оно было, вот-вот упадёт, но не высыхало. Соседи не раз предлагали срубить

дерево, а баба Маша ни в какую – сопротивлялась. Каждый день она сидела под ним, никто и не знал, чего ей то дерево сдалось.

А я узнала, когда в один из прекрасных дней случилось мне с ней выпить чаю. Когда бабе Маше было двадцать лет (тогда, как вы понимаете, бабой она вовсе не была), она родила мальчика Илюшу. С мужем они души в нём не чаяли. Мальчик рос смыслёным, к пяти годам научился писать, читать и считать, увлекался растениями, жучками. Однажды он спросил у мамы:

– Мам, а деревья дружат?

– Как это дружат, сынок? Они же неживые!

– Зря ты так говоришь! Очень даже живые. Ну, я подумал, что все деревья – друзья. Они под землёй сплетаются корнями, помогают друг другу выстоять.

– Ты думаешь? – таких объяснений от сына Мария Ивановна даже и не ожидала. – А как же быть с теми, что прогнули свои ветки?

– Они заблудились. Потерялись на своём пути. Но стоит им сделать несколько шагов навстречу близким, то тогда появятся поддержка и опора.

Однажды Илюша с отцом посадили дерево во дворе, не в саду, а прямо перед домом, отдельно от всех. Илья изучал теорию дружбы деревьев, ухаживал за ними, родители помогали, и дерево росло и благоухало. Но вот Илья заболел и не мог встать с кровати. Врачи только руками разводили, не

знали, что с мальчиком. Трудно тогда пришлось бабе Маше с мужем: возили сына к знахарям, целителям разным. Да всё без толку.

Всё село помогало им тогда: кто деньгами, кто продуктами, кто по хозяйству. В один из дней Илюша спросил:

– Мам, а все люди – друзья?

– Не знаю, в своей жизни я разных видела.

– А я подумал, что они как деревья. Мне тяжело, а они помогают, хотя не обязаны: потянули свои ветви – руки помощи.

Ильи не стало тем же вечером, а мама его запомнила то, что он говорил, и никогда не сомневалась, что в трудные жизненные моменты необходимо помогать даже не очень близкому человеку. Дерево, которое посадил Илюша с отцом, стало сохнуть, прогнулось, но Мария Ивановна никому не давала его срубить, ухаживала, заботилась и верила, что найдёт оно однажды своих и сплетётся с ними корнями. Так оно и стало, а баба Маша сидела под ним каждый день и разговаривала, рассказывала всякое, жизненное.

Недавно не стало и бабы Маши. Ушла к своим. Она сидела под деревом, когда душа покинула её тело. Вскоре дерево неожиданно ожило, будто выпрямилось, стало снова цвести.

Сплелись, видать, корнями!

КНИГИ ДЛЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ В Европе

Книги на двух языках
Истории, помогающие любить русский язык

sandermoenpublishing.com

Изображение от freepik

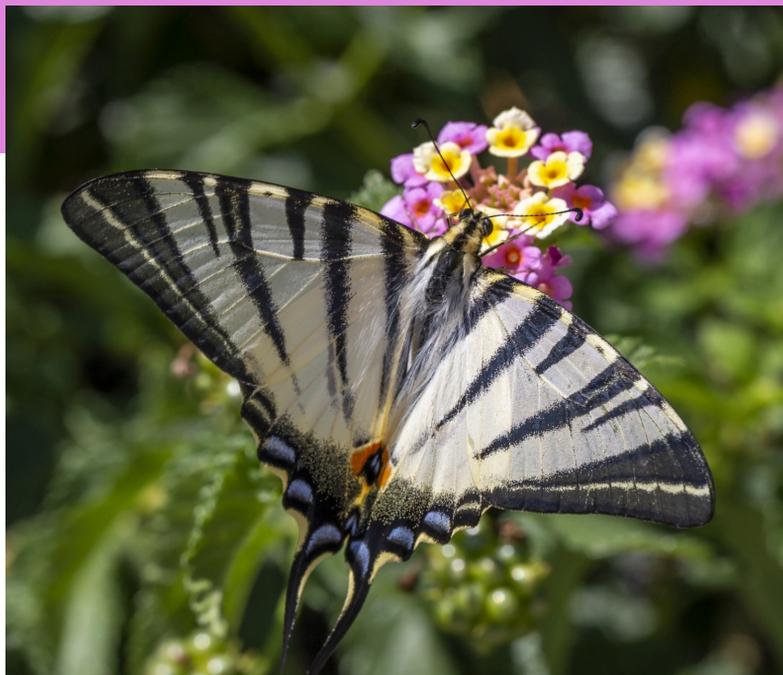
SANDERMOEN
PUBLISHING

Ирина Мотобрынцева Заветная бабочка

Иллюстрация erik-karits-2093459 freepik

Где она, моя заветная бабочка! Белая, с синими стрелчатými концами крыльев, с жёлтыми, обведёнными голубым глазками по углам вверху. Вот она сидит, раскачиваясь тихонько на кусте с цветами, похожими на сирень. Только это не сирень, а какой-то южный куст. Таких нет в привычной жизни в Москве. Жарко. Солнце жжёт и жжёт уже сухую траву на татарском кладбище, накаляет серые могильные камни. Тихо-тихо подкрасться и накрыть её ладошкой. Ближе, ближе... Бабочка сложила крылья. Но вот тень падает на неё, тень охотницы. И... улетела!

Неудача! Каждый день она ловит бабочек на этом

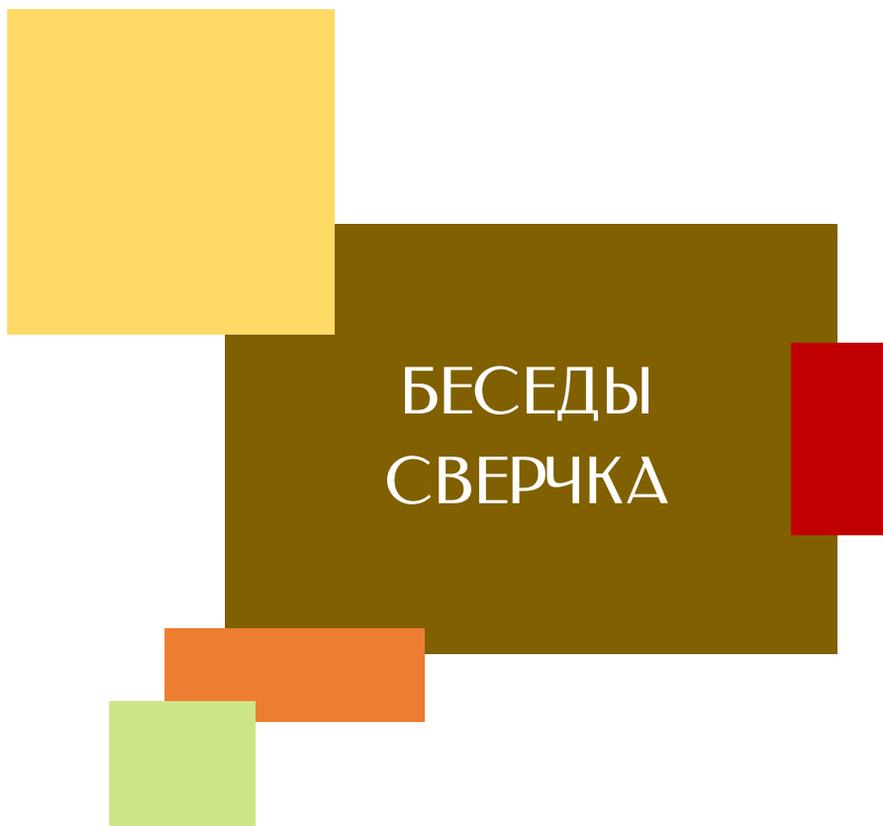

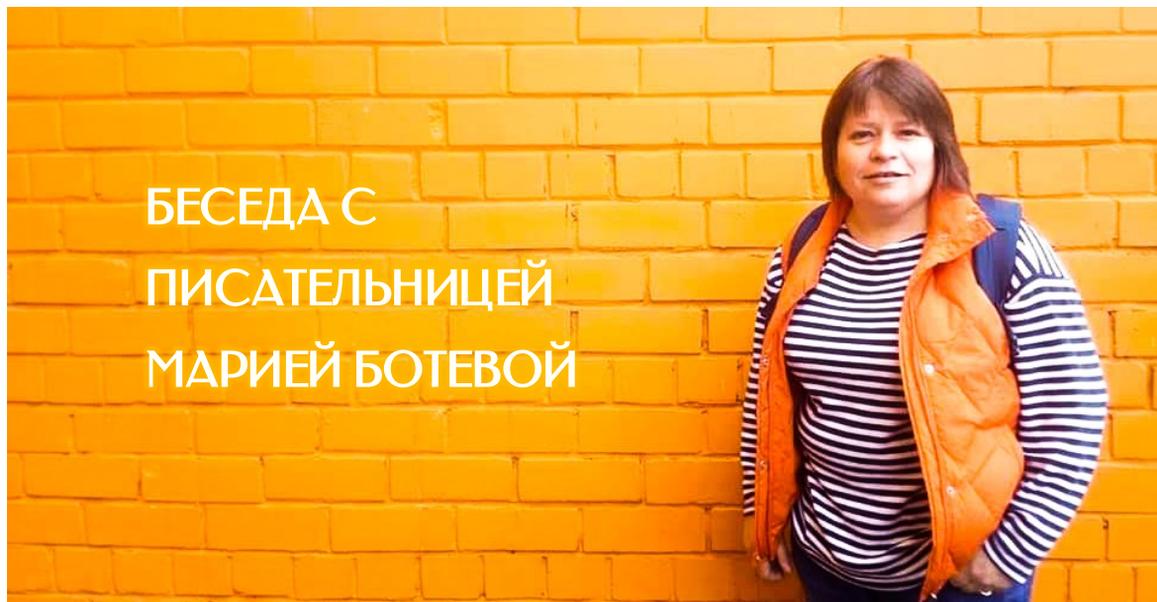

жизнью на слишком маленькую пенсию. Сейчас она уже не помнит, почему вдруг мама по дороге с работы на тропинке, идущей вдоль зарослей вонючек по татарскому кладбищу, вдруг стала рассказывать ей об этой старушке. Реакция девочки явно озадачила маму. Дочь вдруг остановилась посреди дороги и, топая ногами и заливаясь злыми слезами, кричала: «Не может быть! У нас не оставляют больных старушек!» Умная мама, спасибо тебе, что ты не нарушила иллюзию счастливого мира под ярким синим южным небом. Ты сказала: «Не надо плакать. Ну, конечно, о ней позаботятся». «Нет, ты обещаешь, обещаешь!» И мама обещала. И опять потекли дни, не омрачённые никакой заботой или горем, кроме неудач в охоте за той, единственной бабочкой, царицей местных холмов, нагретых солнцем и как бы парящих над густо-синим морем, лежащим спокойной чашей далеко-далеко внизу.

БЕСЕДЫ
СВЕРЧКА

БЕСЕДА С ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ МАРИЕЙ БОТЕВОЙ

Расскажите, пожалуйста, как Вы начали писать?

Я стала писать где-то лет в 15. В таком возрасте ты начинаешь больше думать про мир вокруг. И я почему-то стала писать. Я писала стихи и сказки. И потом решила, что буду поступать на журфак. Занималась в детской газете – у нас была детская газета, я потом ещё в ней работала, после того как закончила учёбу. Помню, что я прочитала одно эссе моей подруги Тани Бучиной, и произошёл как будто такой щелчок, когда я поняла, как надо писать. До этого я что-то там пробовала, а тут как бы что-то такое произошло, я стала по-другому писать, и стало получаться.

Вы родились в замечательном регионе, на Вятке. Сказалось ли это как-то на Вашем творчестве?

Ну вот знаете, я думаю, что, конечно же, всё сказывается. То есть если бы я родилась, допустим, в Африке или где-то в пустыне, я бы представляла себе ту жизнь. Поскольку я родилась здесь, то представляю вот эту жизнь. Потом, когда я уехала учиться на Урал, я поняла, что вообще мало представляю, как бывает. Например, у нас вот

лес как лес, а там идёшь по лесу – и там какие-то валуны и камни, скала какая-нибудь. Потом я оказалась, допустим, в лесу, в Новгородской области, там, где шли бои во время войны, – это ещё один лес. Ну я знаю, что в Европе это тоже повсеместно встречается, потому что, конечно, война была и в Европе. А у нас был глубокий тыл, поэтому я не представляла себе, что в лесу может запросто быть какая-нибудь колючая проволока, патроны. Поэтому я думаю, что наверняка сказалось это, но каким образом именно, я не знаю.

Описываете ли Вы те места, где Вы живёте, где Вы жили? Они, наверное, постоянно возникают в Ваших произведениях?

Да, и вот последняя книжка «Стеклянные лягушки». В неё вошла одна моя повесть и две повести других авторов. Раньше я как-то избегала всегда в своих текстах называть географический регион. Но при этом мне было интересно самой, почему авторы, которые пишут не про Москву и не про Питер избегают этого. В этой же повести у меня уже названа Луза, такой маленький город на севере нашей области. Я называю Лузу, я говорю о том, что приезжает тренер из Кирова. Есть у меня, например, другая повесть – там, где я не называю город, но это лишь по причине того, что у героя есть прототип, я не хочу, чтобы этого человека узнавали. Я хотела написать про дымковскую игрушку, но без ложного регионального патриотизма. Хотелось написать что-то детское. Детское не получилось, но получилась какая-то такая взрослая штука. Но всё время в голове сидело, что это вообще-то на самом-то деле какое-то чудо. Потому что ты знаешь, что такое глина, ты знаешь, что такое вода, ты знаешь, что такое мел, краски – и вот это всё соединяется и получается чудо.

Складывается ощущение, что Ваши книги достаточно быстро были замечены, достаточно быстро начали публиковаться

и получать высокие оценки на литературных конкурсах. Как произошёл скачок от начинающего писателя к писателю уже известному, признанному?

Мне кажется, что это в какой-то степени иллюзия. Потому что да, первая книжка появилась в 2005 году, мне было 25 лет. Она появилась, потому что тогда был конкурс «Дебют». Я в нём участвовала и ранее, но никуда не проходила. А тут появилась детская номинация. Я отправила свою «Азбуку». И она дошла до «длинного списка» и была упомянута. Мне написал член жюри Илья Кукулин, он работал тогда в издательстве «НЛО». И он написал, что ему понравилась эта сказка. А спустя какое-то время мне написали уже из издательства с предложением её опубликовать. Я предложила ещё одну сказку, и вот это всё было опубликовано. Ну и больше после этого не было движения с детскими книжками. Были стихи, была книжка стихов, её издал Дмитрий Кузьмин, взрослую прозу выпустила Елена Сунцова. А потом мы встретились с «КомпасГидом» – и как-то пошло дело.

Какое из Ваших произведений является для Вас наиболее значимым, наиболее личным в каком-то смысле?

Такой вопрос будто бы очень простой, потому что очень просто ответить, сказав, что конечно, все. Потому что в каждом тексте есть ты, в каждом есть твои знакомые, твои мысли. Но мне кажется, что сейчас самое важное, что я могу делать или делаю, – это подписывать какие-нибудь письма в защиту чего-нибудь или кого-нибудь, самой писать эти письма. Я писала и отправляла, и получала ответы или ничего не получала. Мне кажется, что сейчас это важные вещи.

Кроме того, что вы писатель, журналист, вы ещё и преподаёте.

Ну, это смело сказано. Я читала несколько лекций в одной литературной школе, в другой литературной школе я редактор. То есть

я не читаю лекции, но зато практически работаю с текстами, и это меня больше устраивает, чем читать лекции. И в этом году я как драматург работала с подростками в театре и вела кружок журналистики. Я всё время думаю, что мне это поможет формулировать, что ли, какие-то вещи. Но каждый раз убеждаюсь, что мне нужна практика. Если завтра мне принесут какой-то текст, то я скажу больше и от меня будет больше пользы, чем если я начну теоретизировать.

То есть преподавательская деятельность - это не то, что естественно для Вас, не то, что Вас притягивает больше всего?

Ну иногда у меня бывает такая мечта, что я там кого-то чему-то научила. Но на практике, конечно, мне сложно передавать какой-то опыт. Мне гораздо проще, если мы сядем рядом с человеком и будем обрабатывать его текст. Мне кажется, польза будет для него, для меня и для текста.

Да, понятно, а любите ли Вы встречаться с читателями?

Это каждый раз стресс для меня. И мне больше, наверное, нравится встречаться со взрослыми, чем с детьми. Но я теперь как бы немножко всё-таки втягиваюсь больше, и уже лучше получается. Потому что сначала совсем не получалось.

Может быть, всё-таки что-то из этих встреч Вам запомнилось? Какие-то смешные или интересные моменты, какие-то отзывы читатели о Ваших произведениях?

Осенью была очень хорошая встреча в Нижнекамске. Я поняла, что ведущая этой встречи, наверное, прочитала всё. И все книжки и ещё про меня нашла много всего, и даже знала, как зовут мою собаку. Это было очень приятно. Но люди на встрече, наоборот, ничего не читали, но вроде бы им было тоже интересно, и они сказали, что будут читать. Вот, а какие-

то смешные моменты? Когда я вернулась в Киров, меня позвали в училище. На встречу. У меня вышла тогда книжка стихов. Я пошла. Думаю: «Интересно, посмотрим». Меня встретила женщина, повела в аудиторию. И по дороге спрашивает: «Ну вы ведь в Союзе писателей состоите?» «Нет, не состою». Она остановилась. «А в Союзе журналистов состоите?» Я говорю: «Нет». «Ой, а что же нам делать-то? Как же вас представить?» В общем, я не знаю, чего они ждали от этой встречи. Как-то мы накануне не обговорили это всё. Я пришла и поняла, что там одни мальчишки, это такое техническое училище. Я стала просто рассказывать какие-то случаи из своих журналистских командировок. Им это было интереснее. Это, конечно, очень говорящий случай: до сих пор есть люди, которым важно какое-то членство.

Бывают такие вопросы: «Как вас зовут, есть ли у вас собака? У меня тоже есть, и моя собака передаёт вашей собаке привет»...

Да, дети обычно так реагируют...

Или я была как журналист на встрече в одной школе. У них школьная газета, и дети начинают что-то писать,. Они говорят: «А сколько у вас публикаций?» А я уже столько лет работаю журналистом, что уже и не знаю, сколько у меня публикаций «Ну, а 10 есть? А 100 есть?» И ты понимаешь эту разницу, когда ты уже совершенно не считаешь. Понятно, что когда ты ребёнок, ты считаешь: «У меня уже 3».

Многие писатели говорят о том, что они начинали писать в детстве, а вот что они при этом читали? Этот вопрос для нас является традиционным и очень интересным, так как позволяет лучше понять собеседника и его интересы, понять личность писателя.

Я читала не то чтобы прямо постоянно, но читала часто. У меня было много всяких занятий. Я гуляла, ходила в разные секции и кружки.

Ну и плюс ко всему, когда ты ребёнок, ты не всегда запоминаешь имя автора. Прикольная книжка, хорошая, классная, а кто автор?.. Особо не помнишь. Но я запомнила Виктора Голявкина. Помню, что везде были книжки про мальчишек, я хотела читать про девчонок. Мама мне принесла «Повесть о рыжей девочке» Лидии Будогоской. И потом в разговорах с другими, в том числе писателями и не только писателями, я поняла, что не читала классических книг, ни «Карлсона», ни Крапивина, ни Дюма. Я не понимаю вообще, что я читала, - но при этом я постоянно что-то читала.

Запомнился номер журнала «Пионер», где была опубликована «Чёрная курица» и повесть Николая Ламма. Это было так прикольно и запомнилось.

Когда я уже стала взрослее, появились разные книжки. Появилось издательство «Северо-Запад», которого уже нет давно. Оно стало печатать фэнтези. Фэнтези я особо не читала, но Толкина прочитала.

У моих родителей хороший вкус. Они нам читали Хармса, Введенского. Много я читала потом...

Как Вы охарактеризовали бы Ваш писательский стиль? Я не просто так задаю этот вопрос: прочла в одной из статей, что Ваш стиль уже как-то характеризуется.

Но мне бы хотелось характеризовать его как дурота. То есть я пишу и думаю: «Ну это совершенная дурота. Вообще, кто так делает?» И мне нравится, когда из дуроты в результате что-то появляется. Вот сейчас мы делали со школьниками-подростками спектакль, это был спектакль-променад, и там было много дуроты. Мы там придумали бешеного голубя, мы придумали модниц, которые ведут себя немножко как сектантки, ещё что-то. И всё это, как у нас говорят, «на серьёзных щах». Всё на полном серьёзе. Мне больше всего как раз нравится, когда из какой-то ерунды, из чего-то такого, что может пойти впроброс, а ты это подбираешь, — получается смешно и при этом душевно.

Одно из издательств, в которых Вы часто публикуетесь - это КомпасГид. Как произошла первая встреча с издательством, встреча издателя и писателя?

Ну тут надо, конечно, поблагодарить Ольгу Мязотс. Она переводчица, переводит со шведского, немецкого, английского, работает в Библиотеке иностранной литературы. Тогда она была заведующая детским отделом. Я как-то всё сидела с этой одной книжкой детской, всё думала, как это другие публикуются, у них получается, а у меня нет? И тут моя знакомая Аня Ремез говорит: «Присылай твои тексты». Я прислала, эти тексты попали к Ольге Мязотс, а она показала их Виталию Зюсько. И он мне написал, что вот нам нравится «Мороженое в вафельных стаканчиках», давайте публиковать. И тишина... Я послала ещё одну повесть «Вместо праздника». И опять тишина. Я Виталию говорю, что у меня есть идея третьей повести. И в общем, как-то так всё остановилось, ничего не происходило. Потом я поехала на фестиваль драматургии Любимовка, потому что моя пьеса прошла на этот фестиваль. Я написала, что в такие-то дни буду в Москве. Может быть, встретимся? И мы встретились в кафе на станции метро «Маяковская». Я говорю, «Мороженое в вафельных стаканчиках» — это человек в семье, «Место празднику» — это человек с другим человеком. И я хочу написать про человека в коллективе. Виталий сказал: «Да вот это всё встаёт, три повести. Пиши, успеешь ли ты после Нового года всё сделать?» Так мы встретились.

Вы автор, пишущий скорее для подростков. Когда-нибудь было ли у вас желание писать для самых маленьких?

Очень хочу, сложно. Я написала три сказочки как книжки-картинки, но пока никто не берёт. Буквально на прошлой неделе я написала ещё

одну книжку картинку и отдала художнику. Вот она нарисует картинки, и что-нибудь придумаем.

Ну, а кто из современных русскоязычных писателей Вам наиболее близок по духу? Или интересен в смысле стиля?

Ну конечно, в первую очередь я назову Людмилу Петрушевскую. Я каждый год думаю, почему же ей не дали Нобелевскую премию? Денис Осокин, Дмитрий Дергачев, «Запас табака» — очень интересная книжка. Конечно, Lidия Чуковская. В широких кругах малооценённый автор, но, конечно, все специалисты, литераторы её знают. И как я уже говорила, Хармс, Голявкин. А из детских ещё Женя Басова, Нина Дашевская.

А если расширить этот вопрос, если говорить о русскоязычной литературе и мировой детской литературе, кого Вы хотели бы ещё назвать?

Ну если говорить про детскую, то это, конечно, Туве Янссон. Кристин Нёстлингер, но я мало её читала. Одну-две книжки прочитала, мне понравились. А из современных это Мария Парр. Ну и я очень люблю её «Тоню Глимердал». Гэри Шмидт, американец, швед Ульф Старк. Если из детских, то, наверное, они.

Замечательно! Готовится ли у Вас в ближайшее время что-то к выходу в свет, кроме детской книжки-картинки?

Я написала продолжение одной книжки, показала издателям, но пока тоже молчат.

Обычно мы просим писателей поделиться какими-то своими писательскими секретами, потому что среди наших читателей, среди

Билингов есть дети, которым нравится писать, которые интересуются писательским делом. И, надеюсь, это может им помочь.

У меня есть такой рецепт: нужно доделывать. То, что ты начинаешь делать, нужно доделывать. Я не всегда его соблюдаю, когда я вижу, что дело совсем уж тухлое, то я его не заканчиваю, но, в основном, я доделываю. Мне кажется, что это очень важная вещь. Я думаю, что надо быть искренним. Как практически этого достичь? Не знаю. И нужна смелость для того, чтобы быть искренним. Иногда, когда читаешь тексты, то понимаешь, что человеку, может быть, и есть что сказать, но он не может преодолеть себя, не может выйти и сказать то, что он думает на самом деле или что чувствует. И он берёт чужие слова, чужой голос и пытается сказать - но видно, что это не его. Поэтому нужно искать свой голос. Но как это сделать практически, я научить не могу.

Ну это тоже важно – просто сформулировать то, что нужно искать свой голос, что нужна смелость, чтобы уметь сказать то, что спрятано где-то внутри.

Огромное Вам спасибо! Мы всегда очень рады новым встречам, и я надеюсь, что это не последняя.

Беседовала Юлия Уточкина

Беседа с писательницей Майей Бессоновой

По образованию историк-востоковед и филолог, Майя ещё и успешный детский писатель.

Как вы начали писать, что послужило отправной точкой?

Не могу выделить какой-то особый повод. Просто в определённый момент слова начали складываться в какие-то фразы, предложения. Моя голова была наполнена этими словами, и нужно их было куда-то выпускать. Выливала на бумагу.

Часто писатели работают «от идеи»: хочется написать о том-то и том-то. У меня чаще получается «от слов», точнее, от их обилия.

Вы по профессии историк-востоковед. Есть несколько писателей-востоковедов, которых мы знаем. Это, например,

Аркадий Стругацкий, Елена Леонтьева, Ким Ле Чун, Александр Горбовский. Ваша профессия каким-нибудь образом отражается в ваших текстах?

Нет. Ни в одной из книг нет даже намёка на Японию или японский язык. Дети в школе спрашивают, почему я не пишу мангу. Не знаю. Не пишется. Видимо, пресытилась в студенческие годы и языком, и культурой.

Ваша вторая профессия – филолог. Вы работаете с детьми, бывают ли у вас забавные языковые ситуации?

Постоянно и регулярно. Иногда кто-то из детей как скажет что-нибудь! Разбираем, шутим, обычно запоминаем такое. Иногда я могу что-то сказать, перевернуть или придумать новое слово для описания ситуации. Это очень помогает в учебе и работе, помогает лучше запомнить материал, если с ним связан какой-то яркий образ, смешная ситуация.

В «Маленьком голубом платье» вы рассказываете о дружбе девочки Розы и платья. Кажется, цель вашей книги – помочь ребятам понять, что в каждой вещи есть смысл. Так ли это? Какие ещё мысли вы бы хотели привить и прививаете ребятам через ваши книги?

У меня нет цели что-то специально привить, мне хочется рассказать простым и понятным языком о том, что меня волнует и беспокоит.

В этой книге мне, скорее, хотелось рассказать о разумном потреблении, о том, что не нужно покупать вещи бездумно, а потом выбрасывать их за ненадобностью. О том, что вещи нужно тщательно выбирать, а потом беречь и заботиться о них. А если какая-то вещь пришла в негодность, то можно проявить немного фантазии и дать ей вторую жизнь.

В книге «Дне завтра в детский сад» вы затрагиваете проблему адаптации ребёнка. Как часто вы наблюдаете такие проблемы у детей?

Постоянно. И этот период сложен и важен не только в детском саду, но и в школе, вообще при любой смене коллектива. Тут очень важна помощь взрослых, их неравнодушие.

Кто ваши любимые детские писатели и почему?

Ульф Старк. Его проза очень ёмкая, понятная, лёгкая для чтения в любом возрасте. Он умеет очень светло говорить о тёмных вещах, при этом не умаляя их важности.

Из поэтов – Маша Рупасова. Каждый раз читаю и поражаюсь, как можно так складывать слова в ритм и стих, чтобы было смешно, чётко, весело, образно. По-моему, её стихи ещё не оставили равнодушным никого из тех, кому я их посоветовала.

Кто ваши любимые «взрослые» авторы?

Чехов, Булгаков, Толстой. Перечитывать могу бесконечно, каждый раз что-то новое вижу и открываю. Это такие мои «вечные авторы», которых я бы взяла на Марс, если бы полетела.

Из современных авторов очень люблю Евгения Водолазкина.

Расскажите, как вы работаете с иллюстраторами, ведь картинки, образ – важные составляющие детского восприятия.

Я очень счастливый в этом плане человек, все художники, иллюстрирующие мои книги (Надежда Сапунова, Алевтина Соснина, Дарья Беклемешева) – настоящие профессионалы: стопроцентное попадание в настроение и образы.

На какой возраст ощущает себя ваш внутренний ребёнок?

Иногда мне кажется, что мой внутренний ребёнок – это БОльшая часть меня. Ему пятнадцать лет, он постоянно сомневается, у него есть куча комплексов, он иногда боится начинать какое-то большое дело, иногда боится подойти первым, периодически плачет непонятно почему, часто прокрастинирует, почти всегда хочет есть и спать. Ему просто везёт, что рядом есть ещё вторая – добрая и мудрая половина меня, которая жалеет, поддерживает и помогает принимать правильные решения.

Участвуете ли вы в литературных конкурсах?

Да, но не могу сказать, что очень успешно.

Хотя в этом году получилось то, к чему я стремилась целых три сезона: победила в основной номинации народного голосования Премии короткого рассказа «КоРа».

Много ли дети читают сейчас и что читают?

Не могу сказать, что читают много. У них сейчас гораздо больше возможностей провести свободное время, чем было у нас, и книга – не самая популярная из них.

Тем не менее сказать, что они не читают, не могу. Например, в шестом классе один ученик поразил меня тем, что самой запомнившейся из прочитанных за год книг назвал «Цветы для Элджернона».

Что бы вы сказали себе маленькой сейчас?

Я вначале бы объяснила, что такое синонимы и антонимы, а потом рассказала бы о том, что давным-давно жил один великий учёный. В своих трудах он объяснял, почему люди в той или иной ситуации поступают именно так, откуда берутся наши страхи, проблемы и комплексы.

Так вот, он сказал очень важную вещь, которую я и сейчас постоянно себе повторяю: «Антоним жизни – не смерть, антоним жизни – страх».

Просто не бойся: живи!

Беседовала Валентина Чепига

ОБ АВТОРАХ

И

ИЛЛЮСТРАТОРАХ

В порядке публикации в номере

МАРИЯ ШИПОШИНА — график и иллюстратор.

ЕКАТЕРИНА БОРДОН — российская писательница.

ВЕРА НЕЧАЕВА — график и иллюстратор.

ЮЛИЯ ИВАНОВА — известная детская писательница, лауреат и дипломант литературных премий и конкурсов.

НАТАЛИЯ ДУБОВИК — педагог и акварелист.

СВЕТЛАНА СОРОКА — российская детская писательница.

АЛЕКСАНДРА РУБИНШТЕЙН — художница, иллюстратор и педагог.

ЕКАТЕРИНА КАГРАМАНОВА — российская детская писательница и поэтесса.

ВИКТОРИЯ ЦАРИННАЯ — детская писательница и переводчица.

НАДЕЖДА ШЕМЯКИНА — детская поэтесса, лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов и премий.

СВЕТЛАНА МАКАРЬИНА — известная российская детская поэтесса, редактор.

ЕЛЕНА ЛИПАТОВА — российская детская поэтесса.

АЛЕКСАНДР КУПРИН (1870—1938) — классик русской литературы.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВСКА — мультипликатор и иллюстратор.

ЕЛЕНА МУСАТОВА — педагог и писательница.

ЕКАТЕРИНА ВОЛЖИНА — график и иллюстратор.

МАДИНА РАЗЗОНОВА — юная писательница, призёр конкурса «Фабрика слов» 2024 года.

УЛЬЯНА ДЕМЕНТЬЕВА — юная писательница, призёр конкурса «Фабрика слов» 2024 года.

МАРИАННА ИКОННИКОВА — юная художница.

ВИКТОРИЯ ГУРТАН — юная писательница, призёр конкурса «Фабрика слов» 2024 года.